
Павел Желноваков

Российское лицо протестантизма

Ижевск

2010 г.

П.И. Желноваков

Российское лицо протестантизма - Ижевск, 2010 - 98.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

Быть или не быть.....4

ГЛАВА 1

Идеи пятидесятничества в церковной истории.....9

ГЛАВА 2

Харизматизм как особый тип
русского богоискательства.....26

ГЛАВА 3

Пятидесятничество как закономерное
движение в религиозном поиске русского
протестантизма38

ГЛАВА 4

Православная церковь и русское
пятидесятничество60

ГЛАВА 5

Перспективы пятидесятничества в жизни
русского общества.....75

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

И всё-таки быть!.....92

БИБЛИОГРАФИЯ.....96

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Быть или не быть...

Середина 80-х годов 20 столетия ознаменовалась необычными, но вполне закономерными событиями в жизни России, тогда ещё входящей в состав СССР. В жизнь общества буквально ворвалась «перестройка», со всеми её трудностями и надеждами. Взоры многих людей обращаются к церкви с огромной надеждой найти ответы на тревожащие вопросы.

Перед государством и обычным гражданином начали вставать вопросы, прежде замалчиваемые и даже небезопасные. Общество, как учили ещё древние, не могло больше жить без свободы, неотъемлемой и составной частью которой является вера в Бога и свободное исповедание этой веры согласно учению Библии, святых отцов церкви и Конституции страны. Это неизбежно поставило как перед обществом, так и перед каждым мыслящим человеком очень важные и серьёзные вопросы. Как же обществу разобраться со всем, что истинно и ложно, среди буквально огромного рынка религиозных идей, движений, сект, религиозного заблуждения и снобизма? Кто обладает правом на понимание исторического пути развития и востребованности обществом, а кто – нет? Как долго то или иное религиозное движение должно существовать в обществе, чтобы приобрести характер исторического верования? Кто же, наконец, есть истинный религиозный «русич»? А если добавить к этому усталость от возникающих трудностей незвано пришедшего кризиса и всё более заметную клерикализацию российского общества, то ситуация оказывается совсем уж непростой.

Именно в этой связи, искусственно или естественно, возникает вопрос о том, что мы, вслед за известными русскими философами В.С. Соловьёвым и Н.А. Бердяевым, называем «русской идеей», накрепко соединённой во многих умах со слабо понимаемым Православием. Широкую поддержку находят и идеи русских «западников» в лице

Т.Н. Грановского, П.Я. Чаадаева и других представителей российской интеллигенции, которые признавали единство мирового исторического процесса и считали невозможным приписывать России какие-либо особенные законы общественного развития. Рассматривая Россию как страну, которая «растёт, но не зреет», они выступали за скорейшее «вхождение» России в Европу. Это тем более возможно и необходимо, утверждали они, что в истории России уже было несколько «прививок» западной культуры, которые существенно трансформировали русскую почву. Куда же нам повернуться? И нужно ли нам предательски относиться к российским ценностям и православному наследию в угоду «протестантскому» Западу? А может, всех настоятельно вернуть в привычное лоно Православия? Однако справится ли её пусть и активно реформируемая в последнее время, но всё же неповоротливая структура с возникшими запросами? А может...

Дискуссии не стихают и поныне, и искать ответы на эти вопросы становится всё более непростым занятием. Алексей Толстой в своей известной поэме «Иоанн Дамаскин» устами монаха, поющего тропарь, образно определил суть вековых споров:

«...среди груды тлеющих костей
кто царь, кто раб, кто друг, кто воин,
кто царства Божия достоин,
а кто отверженный злодей...»

Для более детального рассуждения необходимо сузить предмет исследования, поискав среди российского религиозного «олимпа» наиболее необычные по своей форме, но, в тоже время, прочно вошедшие в жизнь общества крупные христианские конфессии протестантского направления. Чтобы у читателя не возникло искусственно формируемое в нашем обществе презрительное отношение к слову «протестант», позволю себе некоторые уточнения. Слово «протестант» не имеет ничего общего со словами «протест» или «церковный мятеж». Впервые оно было использовано на рейхстаге в Шпейере в 1529 году для обозначения участников, подписавших *Protestatio*, документ, в котором

открыто высказывалось несогласие с решением рейхстага запретить ряд реформ внутри церкви. Позднее так стали называть всех, кто поддерживал движение Реформации. Слава Богу, информация о протестантах в России доступна любому исследователю. Прежде всего, это баптизм (название произошло от греческого baptizo – погружаю, крещу погружением). Первые их общины появились на территории Российской империи в Финляндии в 1856 г. и в Латвии в 1861 г. Но наибольшего расцвета движение баптистов достигло на юге России – на Украине и на Кавказе. Это также адвентизм (от латинского adventus – пришествие), появившийся в России в начале 80-х гг. 19 века среди немецких колонистов Крыма. И, конечно же, пятидесятничество, заявившее о себе на северо-западе Российской империи в 1911 году.

Пятидесятническое движение, с его ярко выраженным учением о Духе Святом, необычными харизматическими формами богослужения и глоссолалиями, представлено в России несколькими российскими союзами и свободными церквями. Однако, некоторая сложность и даже своеобразная деликатность ситуации состоит в том, что, как для западного религиозного мира, так и российского, – это самое динамичное и быстрорастущее движение протестантизма. Вот здесь «русская идея», встревоженная этим обстоятельством, и начинает активно вербовать новых адептов к себе на службу, осложняя и так уже непростую российскую действительность. Взгляд на пятидесятническое движение России важен ещё и тем, что это религиозное движение более других подвергалось, да и поныне подвергается осмеянию, фантастической клевете и даже угрозам. За примерами ходить далеко не придётся, так как российские СМИ систематически поставляют подобный материал российскому обывателю. Если же к этому прибавить неутраченные дебаты по поводу различных законопроектов о традиционных религиях в России и связанные с этим сомнительные идеи в отношении протестантизма в целом и пятидесятничества в частности, то ситуация в обществе складывается достаточно тревожная.

Что же это за движение, что за люди представляют его, есть ли у

него история, насколько оно органично влилось в жизнь общества или же является религиозной экспансией и представлено определённой группой маргиналов, к тому же опасных? Соответствуют ли идеи пятидесятничества библейскому богословию? Насколько это движение оказалось востребованным российским обществом? В культурной и религиозной жизни России подобные вопросы, до недавнего времени, не становились достоянием религиозной публицистики. Во времена сталинских репрессий дискуссии были просто опасны, а во времена известного «застоя» всем было и так всё понятно: протестанты – враги общества, стоящие на службе западного империализма и их спецслужб. Им просто нет места в здоровом обществе счастливых советских граждан. Ирония подобного рассуждения более чем очевидна. Впрочем, и сегодня дискуссии на подобные вопросы можно обозначить как вялотекущие. Пожалуй, почти единственным исключением стал сборник статей И.В. Подберезского «Протестанты и другие» института Религии и Права, выпущенный в С.-Петербурге в 2000 году издательством «Мирт», а также немногие статьи, публикуемые этим же изданием. Причин тому, полагаю, несколько: слабость позиций апологетики протестантской мысли, религиозный снобизм околорасправных кругов, некомпетентность представителей законодательной и исполнительной власти, а также «синдром непогрешимости», охвативший многие российские СМИ.

Вместе с тем, необходимо отметить, что исследуемый вопрос сложен ещё и тем, что как в религиозном, так и социально-политическом мире России активно меняются и даже подменяются многие вековые ценности и всё больше возносятся в «почёт» дерзость, пренебрежение законами и откровенная безнравственность.

Современные «сектоведы», поддерживаемые средствами массовой информации, произносят пышные псевдорелигиозные заявления, окрашенные яркими красками ненависти к протестантизму. Подобные высказывания требуют серьёзных доказательств, основанных на широком научном исследовании особенностей исторического пути, вероучительной и социальной практики этого движения. Серьёзный

анализ этого вопроса тем более необходим, что протестанты – это граждане нашей страны, имеющие право на свободное вероисповедание, гарантированное Конституцией Российской Федерации, и их огульная травля и клеймение ярлыками «врагов общества» и «сектантов» крайне опасны и граничат с несоблюдением основного закона страны.

Автор книги предпринимает попытку развенчать миф о религиозной экспансии и опасности пятидесятничества, исследуя этот вопрос с точки зрения особенностей и вероучительной практики этого движения. Целью авторских размышлений, основанных на исторических и социальных исследованиях, является понимание исторической и библейской обоснованности, а также реальной востребованности российским обществом духовных и социальных идей, предлагаемых российским протестантизмом в лице его наиболее динамичного и социально активного движения – российского пятидесятничества. Книга приглашает читателя серьёзно задуматься: имеет ли место историчность и востребованность протестантизма? Должно ли быть найдено достойное место для пятидесятничества в религиозной и общественной мозаике российского общества? Подобные размышления приведут к оздоровлению общественного сознания и положительным переменам религиозной ситуации в стране – процессам, требующим разносторонней, беспристрастной оценки, как общественной, так и религиозной, и, конечно, к выводам и признаниям, равносильным мужеству.

ГЛАВА 1.

Идеи пятидесятничества в церковной истории.

Исследуя вопрос исторической востребованности идей пятидесятничества, необходимо взглянуть на церковные и светские источники различного времени, в которых упоминаются воззрения и практика раннего пятидесятничества, поставив перед собой достаточно простой вопрос: есть ли у современного христианина основания для утверждения исторической обоснованности пятидесятнической церковной практики? Необходимо отметить, что книга не ставит своей целью анализ этой практики и защиту конфессиональных взглядов пятидесятников. Задача, которую ставит перед собой автор, заключается в изложении исторических фактов, на основании которых представляется возможным вывод о существовании или отсутствии этой практики в истории церкви.

Пятидесятничество берёт своё название от имени еврейского праздника Пятидесятницы – дня, в который первая христианская церковь в Иерусалиме испытала опыт крещения Духом Святым, как об этом свидетельствует Новозаветная книга Деяний Апостольских. Согласно Новому Завету (Деяния Апостолов, 1 глава), на 50-й день после Воскресения Иисуса Христа на Его учеников, собравшихся при Храме по случаю иудейского праздника Пятидесятницы, с неба сошёл Святой Дух, в результате чего они обрели способность говорения на иных языках. Отсюда и произошло в дальнейшем название «пятидесятники».

Пятидесятническая практика в истории христианства растягивается почти на 19 столетий от момента её возникновения, медленного угасания в последующие века и до возрождения Пятидесятницы в начале двадцатого столетия. Особенно ярко это просматривается в ранней

практике, описываемой евангелистом Лукой в книге «Деяния Апостолов» и в апостольских письмах. Апостольский период особо знаменателен тем, что в это время происходит размежевание с принципами Закона, принесённого евреям Моисеем, и закладывается богословие Нового Завета. При этом достаточно быстро и активно формируется морально-нравственная и социальная концепция христианства. В это же время происходит формирование основных доктрин новозаветной духовной практики, известной ныне как пятидесятническое учение, что не очень легко давалось даже церквям апостольского периода. Вместе с тем, важно отметить деталь, которая скрывается от взглядов современных исследований. Предлагаемая практика ценна как некий путь духовного взросления человечества, изменения характера и возможности научиться любить и прощать, что является одной из основных доктрин в христианстве. Этот ранний период «пятидесятницы» заканчивается ближе к концу первого столетия.

Однако, прежде чем рассматривать исторические свидетельства для защиты или отрицания этой практики, важно посмотреть в Новый Завет, источник церковного учения, и выяснить, что же представляло собой раннее пятидесятничество как учение и как практика. Для этого нам понадобится взглянуть на несколько текстов апостольских писем и книги Деяний Апостольских евангелиста Луки. При этом осмелюсь напомнить читателям, что тексты Евангелий и Апостольских посланий уже давно признаны историческими литературными источниками.

«Ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым» (Деяния 1:5).

«При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деяния 2:1-4).

«Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных.

Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому даётся проявление Духа на пользу. Одному даётся Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков» (1 Коринфянам 12:1, 4-10).

Из вышеприведенных текстов, находящихся в основании взглядов всех церквей пятидесятников в мире, заметно одно: акцент делается на сверхъестественные переживания даров Духа Святого – говорении на иных языках (глоссолалиях), пророчествах и исцелениях, что тесно связано с доктриной крещения Духом Святым – главной доктриной пятидесятничества. Полагаю уместным пояснить особенности описываемой практики. Способность говорения на языках других народов и языках, не присущих человечеству, сопровождало это движение не только в апостольское, но и в современное время. Эта способность является сверхъестественным проявлением веры, а не результатом усилий экзальтированного ума. В равной мере это относится к распространённым в апостольское время пророчествам и исцелениям. Именно на эти черты важно обратить внимание, рассматривая исторические и литературные источники как церковные, так и светские.

При этом хочу обратить внимание на одну существенную деталь, с которой неизбежно придётся встретиться при рассмотрении исторических свидетельств. Речь идёт о том, что основная масса ярких свидетельств о практике «пятидесятницы» содержится на страницах апостольских писем. К сожалению, эта практика начала медленно угасать к середине второго века и ко времени, когда император Константин признал христианство религией Рима, эта практика уже не являлась повсеместной. По свидетельству многих современных христианских историков, христианство, невольно став на службу

императора, неизбежно начало терять свои духовные корни, всё более заменяя их пышной литургией и обрядовостью обыденной жизни. Однако это не означало, что какой-либо из даров Духа исчез из церковной жизни. Этого не могло произойти по той простой причине, что существование церкви, по словам Христа и апостолов, находилось в прямой зависимости от присутствия этих даров в церковной жизни. Только тогда, когда церковь отступала от Христа, эти дары переставали действовать.

Итак, что же предлагают нам беспристрастные исторические свидетельства. Игнатий Антиохийский, известный епископ начала второго столетия, в своих семи посланиях, самое позднее из которых датируется 115 годом и касающихся порядка в церкви, писал о способности пророков понимать небесные вещи и сообщал о своем собственном особом пророческом даре такого рода, который он должен «сдерживать со смирением». Авторы «Дидахе» и «Пастыря» также беспокоили духовные проявления: первого, в основном, беспокоили лжепророчества, в то время как второй – по имени Герма – говорил о действиях Духа, когда он видел свои видения. Во второй главе своего Первого послания к коринфянам Климент Римский, епископ Рима (100 г.), напоминает общине в Коринфе, что на них «всех было полное излияние Святого Духа» и что «служители благодати Божией говорили в Духе». Конечно, можно дискутировать над последней фразой «в Духе», но, по-видимому, речь шла всё-таки о говорении на иных языках как церковной практике того времени. В письме под названием «Мучения Поликарпа», адресованном церковью в Смирне всем христианским церквям, написанном для того, чтобы рассказать о любимом старом епископе Поликарпе и его сожжении в 156 году, упоминается о сверхъестественном духовном опыте изгнания бесов, видениях и пророчествах в жизни Поликарпа. Иустин Мученик, он же Иустин Философ, известный святой середины 2 века, сам имевший пророческие переживания, также писал о том, что и доныне можно видеть среди христиан женщин и мужчин, обладающих дарами Святого

Духа.

Мы можем убедиться, что церковные писатели того времени были хорошо осведомлены о перечне даров Святого Духа, данных в Новом Завете, и считали, что ни один из них не исчез. Это подтверждает и языческий философ Цельс, яростный противник христианства, наблюдавший в 177–180 годах всплеск говорения на иных языках в христианских церквях. По всей видимости, этот всплеск был вызван активным поиском Бога в церквях того времени из-за сильных гонений со стороны римских властей, а также необходимостью противостоять язычеству и греческому гностицизму.

Один из видных деятелей христианства Иринея Лионский (130–202 гг.), епископ западной части Римской империи, также оставил несколько упоминаний о дарах Духа Святого. Он – первый богослов ранней церкви, и его перу принадлежит ряд трудов: «Пять книг против ересей», «Книги разных рассуждений», «О познании», «Изложение проповеди апостола Павла» и другие. К сожалению, эти сочинения Иринея не дошли до настоящего времени целиком и известны только по упоминаниям древних историков и по отрывкам, найденным в разное время. В своём богословском труде «Против ересей» он писал: «Некоторые определённо и истинно изгоняют бесов, и те, которые были таким образом очищены от злых духов, часто обращаются к Христу и присоединяются к Церкви. Другие имеют дар предсказания: говорят пророческое слово. Другие же видят видения и возлагают руки на больных, и те получают исцеления». В том же трактате Иринея говорит о тех, «кто принял Духа Божья и кто через Дух Божий говорит на всех языках, на которых говорит Он Сам. Таким же образом мы слышим многих братьев в Церкви, которые обрели пророческие дары и которые посредством Духа говорят на разных языках, для всеобщей пользы освещают скрытые для людей вопросы, провозглашают тайны Божии...» ¹

Нельзя не упомянуть Оригена, выдающегося греческого богослова 3-го века, представителя Александрийской школы и автора первого

¹ Франчук В. *Просила Россия дождя у Господа. Киев, 2001. Т. I, стр. 65.*

учебника по систематическому богословию. В своих трудах он писал, что в христианских церквях имеет место изгнание бесов, исцеления и пророчества о будущем. Ипполит Римский, пресвитер римской церкви, западный богослов 3-го века, упоминает о том, что в церкви есть учителя и исцелители, одарённые Духом Святым. Евсевий Кесарийский (260–340 гг.), знаменитый отец церковной истории, свидетельствовал, что люди «были в Духе, говоря и произнося странные слова...» Григорий Богослов (329–389 гг.), весьма образованный монах, сыгравший огромную роль в определении сущности Иисуса Христа в спорах на Константинопольском соборе в 381 году, упоминает, что «Дух ещё работает через людей лично». Из церковных преданий известно также о харизматических проявлениях в деятельности монаха-пустынника Макария Египетского (4 век). Ко времени, когда этот необычный монах-мистик был в возрасте 40 лет рукоположен на служение пресвитера, он уже имел дар чудотворения и пророчества.

Всё это замечательно тем, что расстояние, время и государственные границы, разделявшие этих авторов и церковных подвижников, не смогли изменить созвучности свидетельства о проявлении сверхъестественных даров Духа. Эрмий Созомен Саламанский (ок. 400–450 гг.) – византийский адвокат, раннехристианский писатель-историк, автор «Церковной истории», упоминает также Пахомия (282–343 гг.), основателя первых мужских и женских монастырей, настоятеля монастыря в Египте, имевшего дар «говорения на языке ангелов».

Следует упомянуть также имя Симеона Богослова (949–1022 гг.), монаха православной восточной церкви. Церковные предания утверждают, что он наблюдал многие видения, творил чудеса, исцелял больных, изгонял бесов и говорил иными языками. Симеон Богослов напоминал своим современникам о необходимости переживания близкого общения с Богом, которое имели верующие первого века. Он также учил, что крещение Духом Святым отличается от возрождения и приходит через покаяние со слезами, и признаком крещения Духом Святым является, согласно его учению, наличие слёз. Результат

же принятия крещения Духом Святым заключается в принесении духовных плодов и явном осознании присутствия Духа Святого в жизни человека. Это интересное и важное замечание, так как именно на эту грань присутствия и действия даров Духа обращали пристальное внимание апостолы Христа. Это ещё раз обращает наше внимание на то, что богословие «пятидесятницы» было изначально ориентировано на глубокие позитивные изменения в жизни последователей этого движения.

История христианской церкви содержит также немало сведений о движении катаров, появившихся в десятом веке в Южной и Западной Европе. В Южной Франции они стали называться «альбигойцами» по названию французского города Альби, где они имели свой центр. Официальная история католической церкви называет катаров (а равно и их предшественников – павликиан и богомилов) еретиками, но совершенно понятно, что церковные деятели того времени не были заинтересованы в объективных оценках. В противном случае, им пришлось бы отказаться от негласного догмата о непогрешимости католической церкви, а это всегда трудно... По некоторым отрывочным данным можно судить о том, что среди этих верующих наблюдалось действие Святого Духа, имели место харизматические проявления, в том числе говорение на иных языках.

Такие же факты отмечены и в практике движения вальденсов. Они появились во Франции во второй половине двенадцатого века и получили своё название от имени богатого лионского купца Петра Вальдо, который всё своё имущество раздал бедным, а сам отправился проповедовать Евангелие тем, чья жизнь без этой благой вести неизбежно разрушалась.

Нужно сказать, что в 12 веке действительно заметно было не совсем обычное для того времени обращение к теме о Духе Святом. Это было то славное время, когда было написано много христианских гимнов в честь Духа Святого, монашеские ордена, церкви и больницы были посвящены Духу Святому, даже один город был назван именем Духа Святого. Было

бы не разумно пренебречь такими историческими свидетельствами.

Первый миссионер Индии и Японии Франциск Ксаверий (1506–1552 гг.) в значительной мере также испытал на себе влияние вальденсов. Церковные источники сообщают, что через его служение обратились в христианство около 700 000 человек в Индии, Малайзии и Китае и что он проповедовал на языках, которым не учился. В Колумбии успешную миссионерскую деятельность осуществлял Людовик Берtrand, испанский дворянин, родившийся в 1526 г. О нём католическая церковь свидетельствует, что для проповеди индейцам о Боге этот апостол чудесным образом был наделён даром языков и возлагал руки на людей с целью их исцеления.

Все эти представленные свидетельства неоднократно возвращают нас к действенным проявлениям Святого Духа в жизни верующих на протяжении всей христианской истории. Перечисление их может оказаться несколько утомительным занятием, а потому наиболее пристальное внимание обратим на события, предшествовавшие возникновению современного пятидесятничества.

В 1873 году на собраниях, которые проводил известный евангелист Дуайт Муди, основатель Чикагского Библейского Института, было сошествие Духа Святого со знамениями иных языков и имело место массовое говорение на иных языках. После проповедей Муди создавались общины, где многие люди пророчествовали. Свидетельство великого проповедника Чарльза Грандисона Финнея (Финни) (1792–1875 гг.), считавшегося отцом современного евангелизма и наиболее яркой фигурой духовного пробуждения Америки 19-го века, включало признание о том, что «излияние Святого Духа было иногда таким мощным, что человеческая плоть не выдерживала и сокрушалась – «люди буквально падали»¹. В результате служения Финнея, как свидетельствует церковная история, около 500 000 человек обратились к вере во Христа.

¹ Журнал «Братский вестник». 1966. № 6, стр. 56.

Период времени с 1875 по 1880 гг. знаменуется необыкновенными явлениями, происходящими в разных странах: в 1875 году пережили крещение Духом Святым со знамением иных языков один американский пастор по имени Р.Б. Свен и его жена; в 1879 году в Провиденсе и Арканзасе (США) люди заговорили на незнакомом языке, не зная, что с ними произошло; в Швейцарии в 1880 году на одном из собраний группа людей мелодично запела чудесную песню на незнакомых языках. Но совершенно невероятным было другое: именно в это время подобные случаи исполнения Духом Святым со знамениями иных языков были отмечены в местах, где великих проповедников не было и не могло быть. Речь идёт о глубинке России – горном селении Кара-Кала в Армении, где в 1880 году стали происходить необыкновенные события. Демос Шакариян, известный в американских кругах пятидесятнический лидер и бизнесмен, рассказывал, что в Кара-Кала однажды пришёл русский миссионерский обоз – сотни русских людей на повозках во главе с белобородым старцем-пророком. Они стали проводить своё богослужение. И, ожидая сошествия Духа Святого, по словам Демоса Шакарияна, они прыгали от радости. Дедушка Демоса Шакарияна был большим скептиком, но на этот раз для его скептицизма не осталось места. Шакариян рассказывает: «Мой дедушка склонился на колени, и старец возложил на его голову свои мозолистые руки. Внезапно дедушка начал молиться радостной молитвой, которую ни он, ни кто-либо другой из присутствующих не понимал. Русские эту молитву называли «языками» и принимали как знак сошествия Святого Духа на говорящего. В этот же вечер и моя бабушка была крещена Духом...» Это было массовое излияние Духа Святого на армян. История этого события изложена в книге «Наисчастливейшие люди на земле» Джона и Элизабет Шерилл. Подобные же происшествия отмечены в 1879 году во время духовного пробуждения в Эстонии.

Все вышеприведенные случаи, как бы их не интерпретировали, говорят об одном: в истории мировой церкви на протяжении веков не

исчезала практика сверхъестественных переживаний, свойственная современным церквям пятидесятников. Таким образом, можно предположить, что современные церкви пятидесятников имеют многовековую преемственность, а потому не являются чуждым явлением традиционному мировому христианскому опыту.

Современное пятидесятничество, как одно из направлений позднего протестантизма, возникло в конце XIX – начале XX века в Соединенных Штатах Америки. Его отличают динамизм, быстрое развитие и распространение по всему миру, чрезвычайное многообразие составляющих его течений и вариаций. Своими идейными истоками пятидесятничество имело религиозно-философское учение ривайвелизма (англ. Revival – возрождение, пробуждение), возникшее в XVIII веке среди последователей протестантских церквей США, Англии и других стран и сформировавшее внутри этого учения движение святости. Наиболее известными руководителями движения, сыгравшими значительную роль в его истории, были Джон Весли (1703–1791 гг.), священник Англиканской церкви, и Чарльз Финней (1792–1875 гг.), в прошлом адвокат, профессор Оберлинской проповеднической семинарии в Огайо, США, имевший, по его словам, личный опыт крещения Духом Святым. Несколько позже к ним присоединились Дуайт Л.Муди (1837–1899 гг.), основатель известного Библейского института, и Р.А. Торрей (1856–1928 гг.), директор Библейского института в Чикаго, также пережившие опыт крещения Духом Святым.

Общины последователей движения святости именовались общинами святых, возрождённых к новой жизни людей. Именно в этом движении определились и утвердились основные догматы, воспринятые позднее пятидесятниками. Это было учение о том, что человек проходит в своей духовной эволюции несколько ступеней («духовных кризисов», «духовных благословений») – это «обращение» и «рождение свыше», а также «освящение». Под «обращением» понимается сознательное стремление человека к обретению веры в Бога и смысла жизни, а также приведение своих отношений с Богом в порядок через покаяние

в грехах. Понятие «рождение свыше» было введено в историю Самим Христом, как об этом пишет апостол Иоанн в 3 главе своего Евангелия. «Рождение свыше» означало принятие веры в Иисуса Христа как Сына Божьего и Спасителя мира, в результате человек приобретал особый религиозный опыт и особые отношения с Богом. Под «освящением» понимается процесс изменения личности человека в сторону добра, морали, святости. Он происходит под влиянием веры и осознанных усилий человека жить по Божьим заповедям. Пятидесятники добавили к этому учение о «третьем благословении» – крещении Духом Святым, проявляющемся в особом даре говорения на иных языках, или глоссолалиях. Центральное место в вероучении пятидесятников заняло учение о харизмах Божиих. «Харизма» переводится с греческого как «дар благодати» и исходит от «хариз» – благодать и «ма» – действие. В апостольских письмах Нового Завета это слово употребляется 17 раз, что даёт основание учителям движения пятидесятников делать особое ударение на учение о «харизмах Духа».

Харизмы имели особое предназначение для жизни церкви и отдельного христианина. Без их действенного переживания жизнь христианина могла стать достаточно безрадостной, а вера – превратиться лишь в часть современной культуры. Именно практика этих даров помогала церквям, особенно молодым и тем, что возникали в среде язычников в результате миссионерской деятельности, выстоять среди различных трудностей и даже преследований. Это обеспечивало церковь запредельной притягательной силой, что порой порождало враждебность, вызванную непониманием, и даже неприкрытую ненависть к последователям этого движения.

«О начале этого движения существуют противоречивые сведения, называются разные даты, географические точки и личности. Это свидетельствует о том, что появление пятидесятничества в религиозной картине США конца XIX в. не было единовременным событием и чьей-то индивидуальной инициативой, а вызревало подспудно внутри баптистских и методистских общин и так называемых

святых церквей, как потребность в более насыщенном экстатическом переживании и проявлении своей религиозности, преодолении рутинизации протестантских направлений, ставших к тому времени традиционными»¹.

Одним из первых упоминаний о необычных явлениях стал случай в городе Либерти в 1892 году, когда небольшая группа христиан пережила «крещение Духом» и говорение на иных языках во время одного из церковных собраний. По одной из версий, внезапную вспышку «крещения Святым Духом» во время усиленного моления в 1896 году испытала община одной из церквей святости на юго-западе США, возглавляемая бывшими баптистскими проповедниками Р.Г. Спелингом и В.Ф. Бриантом. Это было истолковано как чудо, подобное сошествию Святого Духа на апостолов.

По одной из версий, формальная история пятидесятничества началась в первый день XX века, 1 января 1901 года, когда в библейской школе в городе Топеке, штат Канзас, на занятиях сторонника движения святости Ч.Ф. Пархема одна из учениц, Агнесса Озман, получила «третье благословение» и стала говорить будто бы на китайском языке.

По версии, наиболее признаваемой как официальная, отсчёт своей истории пятидесятники ведут от 9 апреля 1906 года, когда в негритянской баптистской церкви В.Д. Сеймура, по ул. Азуза в Лос-Анджелесе, группа верующих заговорила на незнакомых языках.

В течение нескольких лет движение быстро распространилось по Соединённым Штатам, а затем перекинулось в Норвегию и Германию, буквально покорило Европу и двинулось далее, по всему миру. В Норвегию из США его принёс в декабре 1906 года Томас Балл Барратт, которого в дальнейшем называли «апостолом Европы». Когда он умер в 1940 году, его гроб сопровождали около 20 000 человек, пришедших отдать сердечную дань памяти этому неугомонному человеку веры. Очень скоро образовалось несколько крупных пятидесятнических объединений: Церковь Бога, Ассамблея Бога, Международная церковь

¹ История религий в России. М., 2002. РАГС. Стр. 363.

истинного Евангелия и другие. На сегодняшний день пятидесятничество – это наиболее интенсивно растущее протестантское направление в мире. В августе 2006 г. вашингтонский аналитический журнал *Sojourners Magazine* опубликовал данные, по которым пятидесятников в мире насчитывается около 580 миллионов. Для сравнения: православных христиан – около 170 миллионов (сведения содержались в речи главы Русской Православной Церкви Алексия II в 2006 г.), католиков – 1,038 млрд человек.

Будет любопытно познакомиться с некоторыми оценками этого нового и достаточно необычного для основной части христианского мира духовного движения. Епископ Лезли Нью Бегин в 1953 году в своей книге «Хозяйство Божие» назвал пятидесятническое движение «третьим потоком» христианства, который вновь обновляет дары Духа Святого. Подобно этому звучит оценка Хенри П.Ван Дусен, президента теологического семинара Принцетон, который в заметке «Третья сила христианства» пишет, что это движение меняет лицо христианства в 20 столетии»¹.

В справочнике «История христианства» Джеймс Д. Данн, профессор Нового Завета Даремского университета, высказывается: «За семьдесят лет со времен пробуждения по улице Азуза пятидесятническое движение распространилось по всему миру. Важно, чтобы мы видели в этом не только протестантскую церковь или секту. Дело действительно касается четвертой формы христианства наряду с православием, католицизмом и протестантизмом»². Высказывание более чем интересное и заслуживает того, чтобы внимательнее к нему присмотреться, и, безусловно, отношение к данным утверждениям требует взвешенного подхода. Однако можно смело утверждать, что пятидесятничество, в силу своей харизматичности и динамизма, отложило серьёзный отпечаток на

¹ Цонфи Я. *На всякую плоть*. Рус. изд. AVC, Germany. 1989. Стр. 7.

Яков Цонфи является президентом пятидесятнического комитета Европы.

² Цонфи Я. *На всякую плоть*. Рус. изд. AVC, Germany. 1989. Стр. 7.

развитие и состояние не только самого христианского мира, но и на социальное развитие немалого числа государств.

Естественно, что пятидесятничество, как и любое другое революционное движение духа, пережило и непонимание, и презрение, и даже преследование, вызванное страхом от невозможности рационального объяснения его богословия и вероучительной практики. Так, в Норвегии пресса того времени писала о движении пятидесятников под рубрикой «Фабрика идиотов».

В 1908 году, в Гамбурге, состоялась первая христианская конференция, на которой присутствовали представители евангельских кругов Англии, Голландии, Швейцарии, Норвегии и Германии. Это была первая попытка в определении разумной необходимости этого движения, оказавшаяся не удачной и приведшая, в скором времени, к печально известной в евангельских кругах Берлинской декларации 15 сентября 1909 года. Суть декларации может быть сведена к следующему: учение пятидесятников имеет много общего со спиритизмом и наряду с идеями о «чистом сердце» должно быть удалено из церкви через покаяние.

Декларация поставила многие церкви того времени перед непростым выбором: или решительно порвать с этим учением и церквями, его проповедующими, или же, наоборот, присоединиться к ним. Всё это привело к кризису в пятидесятнической среде и усугубило общеевропейский кризис. Согласно мнению нескольких крупных современных руководителей евангельского и пятидесятнического движений в Германии Э. Гизе, З. Фриша, Д. Уимбера, Лорена Каннингема и других, декларация открыла дорогу двум мировым войнам, развязанным Германией, фашистскому террору и дальнейшему разделу Германии¹. Пренебречь столь серьёзным заявлением было бы ошибкой, и, возможно, к урокам истории стоит прислушаться как современным мировым политикам, призванным блюсти Закон и Право, так и многочисленным борцам с пятидесятническим движением.

Справедливости ради нужно отметить, что на заре двадцатого века

¹ Бюне В. *Игра с огнем*. Рус. изд. CLV. Bielefeld, 1991. Стр. 66-67.

в некоторых пятидесятнических церквях имели место определённые крайности, присущие всем новым движениям в христианской истории, особенно чрезмерное акцентирование на своих отличительных богословских особенностях. Это выражалось в повышенном внимании к говорению на иных языках, в увлечении пророчествами и в искушении смотреть на других верующих как на «не духовных» по той только причине, что они не говорят на иных языках. Но разве остальные христианские конфессии были от этого свободны?.. Или только протестантизм подлежит чрезмерно пристальному анализу и необдуманной критике? Имели место также и более радикальные теологические заблуждения, которые состояли в отождествлении рождения свыше с крещением Духом Святым и печально известными заявлениями типа «баптисты не спасаются», потому что «не имеют Духа Святого». Для пятидесятнического движения, как и для многих других, свойствен свой тернистый путь к лучшему.

Для богословской чистоты пятидесятнического учения, для сохранения его от перегибов, искажений и, в конечном счете, дискредитации, важное значение имел документ, под которым стояли подписи 32 руководителей разных пятидесятнических церквей. Он был принят осенью 1910 года на пятидесятнической конференции в Вандсбурге и получил название Вандсбургского заявления. Нет необходимости приводить это заявление полностью, важно только отметить, что это была попытка анализа совершённых ошибок, покаяния за них и провозглашение главных принципов и характерных черт учения пятидесятников. В заявлении разрабатывался и утверждался положительный баланс между харизмами Духа и жизнью, соответствующей нормам Новозаветной этики. Подобные решения, рожденные в ответ на сложившиеся обстоятельства, не являлись чем-то новым для христианства. На этот баланс обращали внимание все апостолы Христа, указывавшие, что дары должны помочь последователю Христа стать человеком, способным прощать, любить, бороться с социальной несправедливостью и ненавистью в

любых её проявлениях. Отсутствие взвешенного соотношения между харизмами Духа и новозаветными нормами жизни, или их полное пренебрежение, было одной из причин, породивших крестовые походы, костры инквизиции и «охоту на ведьм». Это заявление имело большое значение для построения отношений между различными конфессиями на основании библейского уважения, христианской любви и терпения. Молодое движение особенно нуждалось в библейской корректировке своего учения. Темы, поднятые в Вандсбургском заявлении, актуальны и сегодня в среде многих пятидесятнических церквей, как, впрочем, и во всех христианских конфессиях.

Наиболее резкий скачок в развитии пятидесятнических церквей наблюдался в 60-х, 70-х, а затем в 90-х годах двадцатого века. Безусловно, этому предшествовало немало причин как религиозного, так и социально-политического характера. Если же говорить о религиозных причинах этого роста, то их может быть несколько. Одна из первых причин заложена в самом Евангелии, представляющем слова Христа о роли Духа Святого в судьбе церквей и отдельного человека. Бог хочет открыть и передать людям эти необычные проявления. Вторая и, возможно, не менее важная причина в том, что сверхъестественное всегда привлекало человека, особенно, если за этим стоит Сам Бог. В разуме и сердце человека встречается неудовлетворённость жизнью современной церкви, его личный поиск запредельного и реальные переживания этих чувств в учении и практике церквей, стремящихся к духовному опыту апостольских времён. Не секрет, что в мировой практике современных пятидесятнических церквей происходит огромное количество чудес, исцелений от болезней и освобождение от различных форм зависимости, имеющих медицинские подтверждения, что одних пугает, а других радует.

География распространения этого движения охватывает практически весь мир. Самое большое количество пятидесятнических церквей, около 40 процентов, в настоящее время находится в Латинской Америке. Согласно данным, приведённым в справочнике Патрика Джонстоуна

«Операция мир», в 1990 году в мире было около 150 миллионов пятидесятников, а их рост за последние 30 лет составил 7,4 процента. Любопытен также и тот факт, что последнее десятилетие прошлого века ознаменовалось очередной волной бурного роста пятидесятнических общин во многих регионах мира. Этот феномен не поддаётся анализу и происходит даже вопреки различным прогнозам. Количественный рост пятидесятнических общин наиболее заметен в Китае, где подобные церкви переживают самое яростное сопротивление и государственной, и официальной религиозной власти. Вилтгот Фритсон, директор христианской миссии «Свет народам» в Стокгольме, неоднократно посещавший Китай, приводит весьма интересные статистические данные, отражающие рост церквей в этой стране. Согласно неофициальной информации, полученной из правительственных кругов Китая, в 1949 году протестантов, в основном пятидесятников, было 840 000, численность католиков – 3 миллиона. Однако уже в 1992 г. в этой стране насчитывалось 63 млн протестантов и 12 млн католиков! Церковь в Китае продолжает развиваться, и при таких темпах роста только Бог знает, сколько же там сейчас протестантов. Если же принять во внимание неофициальные данные, поскольку официальные исследования не проводятся, на сегодняшний день протестантские церкви Китая объединяют более 150 миллионов человек.

ГЛАВА 2.

Харизматизм как особый тип российского богоискательства.

Рассмотрев вопрос об исторической востребованности идей пятидесятничества в христианской истории Запада, стоит обратиться к харизматическим поискам в Восточной или Православной церкви. Восточное христианство представляется более мистическим, нежели западное, и в нём всегда были открыты двери для харизматических проявлений. Это стимулировало православную склонность к самоанализу и индивидуальным духовным внутренним переживаниям, что становится особенно заметным в опыте монашества. Греческое монашество, несмотря на важную роль в политике Константинополя, никогда не было столь организовано и контролируемо, как на Западе. В греческой церкви всегда имелась склонность к харизматическому энтузиазму и индивидуализму духовной жизни, что приводило к возникновению целого класса людей с явно выраженными харизматическими способностями, за которые их почитали святыми. Часть православного духовенства терпимо относилось к практике говорения на иных языках, но глубокий мистицизм церкви, который охватывал все аспекты её жизни, казалось, делал ненужным особенное ударение на дарах Духа. Говорение на языках, очевидно, продолжалось ещё долгое время, но оно никогда не становилось центральным опытом духовных переживаний, как это было в раннеапостольской церкви в Коринфе или в некоторых пятидесятнических церквях сегодня.

Современное православие также придаёт своей церкви оттенок

харизматии, а это качество, как известно, может полагать основу для мистических переживаний, пророчеств, а также говорения на иных языках. Сергей Булгаков, ведущий русский богослов своего времени, с 1925 года до своей смерти в 1944 году бывший деканом Русской Православной Теологической Академии в Париже, писал: «Мистический опыт имеет объективный характер; он основан на отступлении от своих собственных узких ограничений и проистекает от духовных контактов или столкновений. Вся жизнь православия полна небесных видений. Это именно то, что существенно в православии, нечто, что окружающие люди не видят, а посему они не видят скрытого значения, а только то, что кажется им внешне застывшими и превращёнными в мумии формами... Это и есть та печать Божья, то исполнение Духом, которого православная душа ищет и желает больше всего, и что ценится превыше всего. Это исполнение Духом, которое в Ветхом Завете относилось к служению пророков, а в христианстве связано с пророческим служением Христа, помазанного святым Духом. «Старцы» и «духовники» в православии, все те, кто были вдохновлены Духом, являются в некотором смысле христианскими пророками или пророчицами, и это служение не должно уподобляться священническому служению, которое принадлежит только сильному полу»¹.

Николай Зернов, профессор Восточного Православия в Оксфорде, в своём изучении православного крещения, отмечает ту же деталь: «Жизнь христианской общины была значительно обогащена монашеским движением. Это помогало делать ударение на харизматических дарах Духа Святого, таких, как пророчество, исцеление, знание души и внутреннего состояния человека, которые часто Церковь предлагает своим членам, но которые часто не исследованы и не познаны христианами. Аскетизм и мистицизм глубоко проникали в таинство общения между Богом и человеком и давали путь для дальнейших открытий...»²

¹ Франчук В. *Просила Россия дождя у Господа. Киев, 2001. Т. 1, стр. 143.*

² Там же. Стр. 143.

Рассматривая этот непростой вопрос, имеющий последствия для жизни православных христиан, необходим взвешенный и беспристрастный подход. Это тем более важно, что речь идёт о движениях, чья история настолько удалена от нас и предвзято представлена, что воистину необходим взвешенный подход к интересующей нас теме. Однако, чтобы у читателя не возникло неверное отношение к движениям, часто представляемым как еретические, стоит ближе присмотреться к самому понятию ереси.

Первоначально под этим словом подразумевалось узкомыслие в церковных и духовных вопросах. Так в апостольских церквях называли тех, кто уклонялся от учения Христа и Его апостолов. Со временем это понятие начало трансформироваться в другое. Церковь стала употреблять это слово к тем, чьи взгляды не соответствовали учению современных церквей. При этом не принимался во внимание факт, что та или иная церковь, будь то католическая, православная или протестантская, сама могла быть достаточно удалена от учения Христа и Его заповедей. Сами же критикуемые или изгнанные также считали еретиками не себя, а господствующую церковь. Итак, ересь может определяться как уклонение от учения только в сравнении с истиной, которой для любого христианина является Библия. Всякое иное толкование этого понятия будет неизбежно нести на себе элементы церковной гордыни и непонимание таинства церковных отношений.

Как возникает настоящая ересь? Первоначально ощущается неудовлетворённость жизнью церкви и тем, что проповедуемое в этой церкви учение не отвечает на многие вопросы. В принципе, это естественно и может привести, при разумном пастырском надзоре, к хорошему духовному обновлению церковной жизни. Однако, если церковь считает, что она обладает полнотой истины, подобные вопросы будут неизбежно рассматриваться как инакомыслие мятежного ума. Хотелось бы напомнить, что узурпация прав на знание истины никогда не приводила ни к чему хорошему. В том случае, если душа человека

не находит пастырской помощи и не получает ответы на волнующие вопросы, приходит уже нескрываемое несогласие. Сложной задачей становится возврат доверия человека, а потому его ум и сердце всё больше открываются для оболения, или, как говорили православные подвижники, для прелести. Результатом такого развития ситуации становится появление новой ереси.

Прежде всего, нужно отметить, что на Руси издавна возникали антицерковные и антиправославные течения и ереси. Вначале это были отзвуки языческого сопротивления христианству – «греческой вере», но вскоре это стало носить другой оттенок – неудовлетворённости церковной жизнью. Однако, во второй половине XIV в. – первой половине XV в. в Новгороде и Пскове (1370 г.) образовалось движение стригольников, критиковавших Православную церковь за «поставление клириков по мзде», или, говоря современным языком, взяточничество и безнравственность среди духовенства, отрицавших церковную иерархию, вплоть до константинопольского патриарха, и ратовавших за возрождение апостольской церкви. Стригольники также отвергали церковные таинства и считали проповедь правом и обязанностью каждого христианина, а не только священника, а также отвергали церковную исповедь, не видя в церковнослужителях носителей «божественной благодати». Возникновение названия этого движения доподлинно неизвестно и, наиболее вероятно, произошло от слова «парикмахер». Основными идеологами стригольников считались новгородские диаконы Никита и Карп.

Судьба стригольников известна: в Новгороде был созван собор, на котором против еретиков выступал митрополит Киприан, а также представители Константинопольского патриархата. Решением Собора их объявили еретиками, а вслед за этим светские власти расправились со стригольниками.

Нетрудно заметить, что идеи стригольников перекликаются с проповедью предтеч Реформации – Джона Уиклифа в Англии и Яна

Гуса в Чехии, живших в то же время. При этом нет оснований говорить о заимствовании стригольниками их идей, скорее это похожий духовный отклик на сходные общественные потребности. В рамки задач, поставленных автором этой книги, не входят защита или обвинение этих движений, анализ представленных учений, целесообразной представляется лишь простая констатация факта их существования.

Затем последовала ересь антиринитриев – «жидовствующих», возникшая в 1470–1471 годах в Новгороде и перенесённая в Москву. Название дала еретикам сама Православная церковь, подозревая их в связях с евреями. Движение объединяло многих образованных и знатных людей из окружения великого князя Ивана III. Еретики обвинялись Церковью в отрицании божественности Христа, в неуважении к церковным установлениям и таинствам. В свою очередь, сами «жидовствующие» критиковали церковную иерархию и монашество, требуя отказа от церковных и монастырских вотчин. Ересь «жидовствующих», как и стригольников, по существу обозначила начало русской Реформации, не получившей дальнейшего развития. Современные исследователи справедливо рассматривают деятельность «жидовствующих» как закономерный этап в развитии реформационных брожений на Руси, давший импульс к дальнейшему распространению религиозного свободомыслия.

Более громко против накопления Церковью и монастырями земель и имущества выступили «нестяжатели» (конец XV в. – начало XVI в.), идейными вдохновителями которых выступали Нил Сорский и писатель-богослов Максим Грек. Обе ереси были разгромлены Церковью при поддержке великого князя, однако оказали большое влияние на формирование последующих антицерковных движений и русской общественной мысли, в том числе «ересей» Матвея Башкина и Феодосия Косого, в ряде своих положений приближавшихся к протестантизму.

Дьяк Матвей Башкин, в прошлом боярский сын, был первым, кого официальная Православная церковь обвинила в протестантских

веяниях. Им был организован в Москве кружок вольнодумцев. Он учил, что церковь не здание, а «собрание верных», сомневался в духовности церковных соборов, настаивал не просто на постоянном церковном покаянии, а на изменении жизни и отказе от дурных дел, критиковал церковные обряды, настаивал на любви к ближнему и на равенстве людей. В 1553 году он был осуждён специально созданным собором епископов с участием царя Ивана VI и сослан в Волоколамский монастырь, где его имя было предано проклятию. Много общего с протестантскими взглядами было и в учении монаха Феодосия Косого (игумена Артемия), беглого дворового человека одного московского боярина, постригшегося в монахи в Белозерском монастыре. Он настаивал на духовном поклонении Богу. Он также критиковал внешнеобрядовую сторону православия, называя обряды измышлением человеческим, отвергал поклонение иконам, кресту, святым мощам, называя это идолопоклонством. Критиковал также духовенство и иерархию, учил «к попам не приходити, и не каются, и не причащаются, и тимияном не кадитися, и на погребения от епископов и попов не поминатися...»¹

Объективно оценивая эти «ереси», стоит отметить, что они не породили на Руси могучего реформационного движения, как аналогичные учения на Западе. Однако мы можем убедиться, что Русь XVI века не была духовно изолирована от Запада, как это может показаться с первого взгляда. Основные духовные течения Запада просачивались в российскую почву, предвеля появление обличителей церковных порядков, выступавших с рациональными и смелыми религиозно-философскими построениями.

По оценке известного исследователя вольнодумства и еретических движений в истории Русской Православной Церкви А.Ф. Замалеева, учение Феодосия Косого стало вершиной еретической мысли на Руси, своеобразным итогом идейных исканий восточнославянского

¹ Феодосий Косой. // *Христианство: Энциклопедический словарь*. Т. 3. М., 1995. Стр. 96.

общества¹.

Одной из форм русского богоискательства стало движение хлыстов, возникшее в 1645 году, примерно в одно время с расколом в Православии, преимущественно в среде оброчных крестьян. Впрочем, хлысты, в отличие от староверов, с православием не порывали. Название «христовщина», а позднее – «хлыстовщина», было дано движению Православной церковью. Сами же сектанты, как принято именовать людей, отделившихся от господствующего вероучения и ему противостоящих, называли себя «людьми Божиими», а своё учение – «Христовой верой». Основателем её называют беглого солдата, уроженца Костромской губернии Данила Филиппова. Причинами появления хлыстовства одни называют увлечённость обрядовой религиозностью и соединяющееся с нею формальное отношение к богослужению в православной церкви. Другие исследователи признают «хлыстовщину» самобытным произведением русского духа, возникшим из тех общих условий, каким обязаны своим происхождением подобные секты на Западе и на Востоке, вне всякой прямой с ними связи. Возможно, обе эти точки зрения верны и имеют право на существование. Отличительной особенностью учения хлыстов было то, что они считали возможным прямое общение со Святым Духом. Безусловно, очень сложно будет утверждать, что их взгляд на подобное общение соответствовал библейскому учению об общении с Духом Святым. Их отличали экстатические моления, сопровождаемые глоссолалиями, что позднее встречается у пятидесятников. «Христоверие стало переходной формой к «духовному христианству», которое затем оформилось в две наиболее значительные как по числу своих последователей, так и по общественному резонансу российские христианские секты: духоборов и молокан»².

¹ Замалеев А.Ф. *Восточнославянские мыслители: Эпоха средневековья*. СПб., 1999. С.195.

² Митрохин Л.И. *Баттизм: история и современность*. СПб., 1997. Стр. 201-202.

Павел Флоренский и Сергей Булгаков, известные русские мыслители, позже объясняли интерес многих людей к движению хлыстов тем, что оно «...в элементарном виде удовлетворяет все главные потребности человека: его потребность общаться с людьми, потребность этическую и потребность религиозную. Потребность социальная удовлетворяется любовной жизнью с единоверцами, частыми собраниями, взаимопомощью, праздниками. Потребность моральная насыщается строгой этикой хлыстов, благожелательным настроением их, воздержанностью, вообще проповедью и соблюдением элементарных этических требований. Наконец, религиозное чувство находит себе удовлетворение в богослужебных собраниях хлыстов»¹.

При всём этом не стоит закрывать глаза и на обратную сторону учения хлыстов, их не библейский мистицизм и связанные с этим проблемы, особенно семейные, чему никогда не учила Библия. Впрочем, не стоит быть столь строгими, это движение неизбежно несло портретные характеристики своего времени, а полное библейское богословие только пробивало себе дорогу к русскому богоискателю. А потому, было бы несколько странным ожидать от этого движения выверенного богословия, уравновешенной социальной позиции и других особенностей, присущих современным религиозным движениям.

Характерные черты, явно не присущие православному сознанию, заметны в раннем и позднем учении «духовных молокан-прыгунов». В книге Н. Варадинова «История министерства внутренних дел» есть упоминание о том, что в 1837 году царское правительство обратило внимание на некоего Лукьяна Петровича Соколова (он же Аникей Игнатьевич Борисов). Причиной пристального внимания были пророчества Соколова среди молокан Мелитопольского уезда. К сожалению, подробных данных о личности Лукьяна Соколова не обнаружено, кроме тех, что он имел крестьянское происхождение и родился в Тамбовской области, где и был арестован за свою веру,

¹ История религий в России. М., РАГС. 2002. Стр. 271.

сослан в Сибирь, а оттуда – в Таврию. В среде духовных христиан-молокан продолжало жить учение о возможности непосредственного, личного общения каждого верующего с Духом Святым, бережно хранимое как сокровенное таинство веры, посеянное ещё учением «Божьих людей». Именно это и проповедовал Лукьян Соколов, деятельность которого, видимо, дала начало большому религиозному движению харизматического характера среди молокан, которое вошло в народную память, исследовательскую и научную литературу под названием «движение молокан-прыгунов». Впоследствии и сами молокане этой ветви движения, помимо молокан донского толка и молокан-субботников, стали официально себя называть «духовными молоканами-прыгунами». Трудно сказать, называли ли они себя так потому, что действительно подпрыгивали во время своих радений, или потому, что так было удобнее себя идентифицировать, пользуясь уже принятым в народе названием.

Отличительной особенностью учения молокан, активным распространителем которого принято считать бродячего портного Семёна Уклеина из Тамбовской губернии, было акцентирование на дарах Святого Духа, что достаточно широко распространялось в практике их духовной жизни. В их духовных трактатах и наставлениях, которые сохранились, о харизматических проявлениях говорится довольно часто. Вот только некоторые примеры. «Ибо Дух невидимо поставляет истинных пророков, сидящих позади людей и им не известных, но пред ними должны молчать почтенные передовые люди. Но вы, по чинам своим, не допускаете в достойных воссиять истине. Тем Дух угашаете и пророчество унижаете, но свои надменности поставляете людям важными, дабы не остаться вами праздными наравне с братьями»¹.

Из исторических источников, оставленных молоканами, известно, что на Молочных водах, на юге Украины, а также в Аккермане (ныне Белгород-Днестровский Одесской области) в 1833 году имело место

¹ Франчук В. *Просила Россия дождя у Господа*. Киев, 2001. Стр. 281.

массовое «излияние Духа Святого с говорением на новых огненных языках». В молоканском сочинении «Очерк религии и наставников её» отчётливо видно, что молокане-прыгуны хорошо знали свою историю, дорожа преемственной связью со своими наставниками. Вот некоторые свидетельства, представленные молоканами.

Максим Гаврилович Рудометкин, уроженец Тамбовской губернии, пророк, о котором молоканская история повествует, что он «под влиянием Божественного промысла имел дар, владел обильным словом премудрости, силою Духа пророчества и откровения, разные языки и различие языков»¹.

В повести 82 содержится увещевание, написанное в обычном для духоборцев и молокан песенном виде, удобном для запоминания:

«Прошу всех братьев и сестёр, очарованных Святым Духом: пророков и пророчиц! Прилежно прочитайте и выслушайте сие; это весьма нужное для вас и для всех верующих Святому Духу. Пророк, пророчица и прочие будут получать воздаяние по своим делам: благим и злым. О чём уверяют нас древние пророки, Апостолы и Христос. Не надейся, что вами Святой Дух владеет и с нас ничего не спросится! Как можно всеми силами со страхом смиряйтесь и старайтесь исполнять заповеди Божии, тогда только получите славу Божию и венец, уготованный от Него: ибо никто не получит за неверие, нерадение и ожесточение. Вот я сел и сладкую песнь спел; истинно не ложную, до самого Сиона подорожную! А вы в Библию глядите и верно посему идите; по всему Писанию сие замечайте, против сего гордо не отвечайте».

Повесть 15 говорит о крещении Духом Святым и огнём, о котором пишется, что оно «должно всегда быть во всех единомысленных, равно от мала до велика нас, в чём должен всякий крещенный иметь на себе знак иже есть речения Духа в новых огненных языках»².

Эти движения никак не были связаны с протестантскими взглядами,

¹ *Дух и жизнь. Книга солнце. Лос-Анджелес. 1928. Стр. 50-51. Цит. по книге: В. Франчук. Просила Россия дождя у Господа. Киев, 2001. Стр. 279.*

² *Франчук В. Просила Россия дождя у Господа. Киев, 2001. Т. 1, стр. 281.*

рождёнными в Европе и пришедшими в Россию известными для истории путями. Это был поиск, рожденный внутренней потребностью и жадой духовных переживаний русского богоискателя, предварённый мистицизмом российского православия. Безусловно, будет неверно и псевдонаучно рассматривать такой религиозный опыт как довод в пользу протестантизма, необходимо лишь знать, что такой поиск имел место в России.

С чем же подходила религиозная жизнь России к началу возникновения пятидесятнического движения на её территории?

Православие, несмотря на явные трудности религиозной жизни, связанные с богословием, слабостью церковной жизни и религиозным просвещением, всё же восторгалось «валовыми показателями» и имело некоторые основания называть Россию «Святой Русью». В начале 20 века на территории России насчитывалось 77 000 храмов, часовен и молитвенных домов ведомства православного исповедания, в которых несли служение более 300 000 священнослужителей, любивших говорить, что их общая паства составляет 92 миллиона верующих¹. Правда, эти цифры не совпадают с данными, опубликованными через год после проведения всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 года. Перепись зарегистрировала в Российской империи 125 640 021 жителя, а свою православную принадлежность указали 69,3%, что «всего лишь» на 5 миллионов меньше.

Впрочем, с цифрами трудно, да и неразумно, спорить. Но только не даёт покоя один вопрос: как же случилось, что в такой религиозной стране смогла произойти столь кровавая революция и утвердился на многие годы богоборческий и кровавый большевистский режим? Возможно, этого бы не произошло, если бы колосс не стоял на «глиняных ногах»? Формальное, почти безжизненное православие, раздавленное государственным контролем, было не способно спасти Россию от надвигающейся чумы большевизма, которая буквально

¹ Титов В.Е. Православие. М., 1977. Стр. 111.

сметёт с российской земли тысячи храмов и уничтожит десятки тысяч священников. Как говорил еще Владимир Соловьёв, «Святая Русь требует святого дела...» Святое дело не состоялось, значит, пришло злое...

Полагаю уместным привести слова профессора Московской духовной академии, диакона Андрея Кураева, высказанные в ходе общения с приднестровскими студентами. «Таких гонений на церковь, как в Советском Союзе, еще никогда не было», – сказал он и призвал своих собеседников задуматься, почему История допустила это. «Если православие позволило надругаться над собой, значит, не всё с ним было благополучно тогда, в начале прошлого века, значит, с Русью не свято» (Эрнест Варданян, Тирасполь, 12 октября, «Новый Регион»).

Подводя итог представленной на обсуждение читателя теме о харизматичности русского богоискательства, хочется особо отметить, что русскому богоискателю, независимо от его конфессиональной принадлежности, действительно свойственно нечто отличное от мирового искательства. Определённая автономность развития не позволяет классифицировать российское богоискательство как порождение западного христианского опыта. Вместе с тем, его также нельзя рассматривать в полном отрыве от мирового поиска души, уставшей без Бога и живительных потоков Его Духа. Но что действительно отличает его от пути, свойственного западному крылу христианства, так это мистическое, порой до драматизма, стремление к лучшей духовной судьбе. Похоже, многообразная русская душа, находящаяся в мучительном поиске, готова была как к религиозному подвигу, так и к глубокой ереси, и даже потрясающей жестокости. Однако не стоит быть чрезмерно строгим к тем, кто уже завершил свой исторический и духовный путь, они уже отчитались пред Богом, а мы всё ещё в пути... Бог да будет милостив ко всем нам.

ГЛАВА 3.

Пятидесятничество как естественное движение в религиозном поиске русского протестантизма.

Размышляя о пятидесятничестве, стоит обратить пристальное внимание на исторические корни этого движения, т.е. на сам протестантизм, в котором пятидесятники занимают лидирующие позиции. Без этой направленности движение пятидесятничества становится изолированным и потерявшим взаимозависимые связи с церковной и светской историей.

Итак, что же собой представляет протестантизм – одно из трех, наряду с католицизмом и православием, главных направлений христианства? Возникнув в первой четверти XVI в. в процессе широкого антикатолического движения Реформации в Германии (и чуть позже в Швейцарии), протестантизм быстро распространился по многим странам Западной Европы. Он знаменовал собой новый поворот в развитии европейской цивилизации, в определенном смысле выступая идеологическим обоснованием формирования буржуазных отношений. За точку отсчёта истории протестантизма и сами протестанты, и учёные-историки, исследующие эту проблему, обычно принимают 1517 год, когда Мартин Лютер выступил со своими знаменитыми 95 тезисами, обличающими Католическую церковь и требующими её реформирования. К 1521 году протестантская доктрина Лютера уже вполне сформировалась, и вскоре протестантизм был принят в качестве официальной религии во многих княжествах и городах Германии,

ряде кантонов Швейцарии, в Дании, Норвегии и Швеции. Само слово «протестантизм» не несёт в себе заведомую идею протеста, как обычно думают многие. Этот термин взят от слова «протестация» – названия документа, в котором последователи Реформации отразили сущность своих убеждений.

Россию, как страну православную, это движение, естественно, не затронуло, однако первые иностранцы – лютеране – появились в Москве и Новгороде Великом еще при жизни М. Лютера, в последние годы правления великого князя Василия Ивановича (1524–1533 гг.). С этого момента сами протестанты ведут отсчёт своего укоренения в России, поскольку из вероисповедания иностранцев протестантизм постепенно становился вероисповеданием сначала незначительной, но со временем всё более заметной части населения России, демонстрируя высокую степень приспособляемости к национальным, социальным и экономическим условиям.

Протестантизм проникал в Россию и укоренялся в ней различными путями и способами. Собственно, их было несколько. Первые протестанты появились на Руси уже в 20-х годах XVI века, почти одновременно с распространением протестантских идей в Европе. Первоначально это были иностранцы: купцы, «умельцы» и «знатцы» – специалисты в различных областях знания и ремесла, военные наёмники, пленные и т.д. Они жили замкнутой от русского общества жизнью и совершали протестантское богослужение только в своей среде. Однако со временем многие из них и их потомков становились российскими подданными, благодаря чему протестантизм постепенно превращался из иностранной религии в религию части населения России, со временем привлекая к себе и некоторые группы коренных россиян.

Самыми первыми, вероятно, были купцы, прибывающие в Россию из северогерманских городов и из Швеции, которая усилиями короля – реформатора Густава Вазы – одной из первых приняла протестантизм в качестве государственной религии. Это были, главным образом, купцы

– лютеране, которые в результате мирного договора, заключённого между Россией и Швецией в 1524 году, получили право построить торговый дом в Новгороде Великом и торговать по всей территории России.

В 1553 году англичане открыли для себя торговый путь в Россию через Белое море, а уже в 1555 году в Англии была образована Московская, или Русская торговая компания, членам которой московское правительство предоставило право свободного въезда и беспошлинной торговли по всей стране. Вслед за ними, в 1565 году, этот торговый путь освоили голландцы. В своих подворьях в Холмогорах и Архангельске английские и голландские купцы отправляли протестантские богослужения.

В царской грамоте, данной в 1559 году Англо-Русской компании, говорилось: «Мы, по нашей милости, вышеназванному обществу английских купцов, их преемникам, служителям и торгующим от них, которые живут или будут жить в Москве или ином каком месте государства, дозволили хранить свой собственный закон, и никто из наших да не принуждает их против воли к нашему закону и вере»¹.

С 1558 по 1581 годы Московское государство владело Нарвой. Она была важным центром торговли с немцами, датчанами, англичанами, шотландцами, голландцами, которые представляли протестантскую Европу. Контакты, а, как следствие, и влияние были неизбежны. После завоевания Москвой Казанского и Астраханского ханства Волга стала оживлённым торговым путём, связавшим Западную Европу и Московское царство со странами Востока. Историки отмечают наличие западных купцов-протестантов в поволжских городах – Нижнем Новгороде, Казани и др.

Другим источником проникновения и расширения протестантизма в Московском государстве были специалисты, приглашавшиеся из западных стран на службу. Известно, что ещё Иван III приглашал в Москву итальянских строителей. Но это были католики, которых московские

¹ Цветаев Дм. *Вероисповедное положение протестантских купцов в России в XVI-XVII веках.* М., 1885. Стр. 10.

жители обычно называли «латинянами» или «папешниками». Уже в последние годы великого княжения Василия Ивановича в Москву прибыло немало медиков, аптекарей, торговых людей, художников, мастеров разных ремесел. И это были уже в основном протестанты из стран Северной Европы, которых, в отличие от «латинян-папешников», русские люди стали называть «люторами» или «немцами».

Эту практику значительно расширил сын Василия Ивановича – царь Иван IV Грозный. В его царствование в Москву было приглашено много «дохтуров гораздых», «барберов», или цирюльников, «пушкарников», «художников», «искателей злату и серебру», «мастеров хитрых», «изуграфов, в науках наученных». Их поселили на Варварке вместе с их семьями, прислугой и подмастерьями.

К этому периоду немцы-протестанты уже жили общинами и в других русских городах: Владимире, Угличе, Костроме, Нижнем Новгороде, Твери, Казани и Архангельске¹.

Кроме купцов и мастеров здесь были расселены и пленные. Иван Грозный весьма благоволил к немцам, в том числе протестантам, нередко вступая с ними в богословские дискуссии. К гражданским специалистам, приглашаемым из-за рубежа, вскоре добавились и военные. Это были наёмники, в том числе офицеры, которые должны были обучать русское войско западному военному искусству. В царствование Фёдора Иоанновича, сына Ивана Грозного, в русских войсках служили уже 5 тысяч немцев. Борис Годунов также оказывал особое покровительство протестантам, которые бежали в Россию из стран Западной Европы, спасаясь от религиозных войн и жестоких преследований.

Алексей Михайлович, как и его предшественники, покровительствовал немецким переселенцам, приближал их ко двору и определял на гражданскую и военную службу. Исторические документы говорят, что всего в это время в России проживало до 18 тысяч протестантов – лютеран и реформатов-кальвинистов. Протестантские общины уже

¹ Буткевич Т.И. *Протестантство в России. Из лекций по церковному праву.* Харьков, 1918.

имелись в Новгороде, Пскове, Переславле, а также в Белгороде, где находились русские войска, прикрывавшие южные рубежи России. Всяческие льготы предоставляли служилым немцам-протестантам Фёдор Алексеевич и царевна Софья. Стоит отметить тот факт, что царская власть при этом очень ревниво оберегала как самобытные начала русской жизни, так и сам народ от влияний чуждых религий. Так, в Уложении 1649 года царя Алексея Михайловича за соращение православных в иную веру предусматривалась смертная казнь. Хочется заметить, что подобные исторические решения недальновидных государственных политиков не должны пробуждать обнадёживающих воспоминаний в умах современных борцов за чистоту православной веры.

Общеизвестно, что превзошёл всех своих предшественников Пётр I. Годы его правления характеризуются широким участием в жизни государства иностранных специалистов высокой квалификации: учёных-физиков, химиков, корабелов, разведчиков руд, горнозаводчиков, мореходов, военачальников. Известна его дружба со многими осевшими в Москве жителями так называемой Немецкой слободы. Пётр впервые допустил смешанные браки между православными и протестантами.

Третьим заметным источником появления протестантов в составе населения России, о котором почти не вспоминают историки, были военнопленные. Пленных, владевших какими-либо профессиями, расселяли по российским городам и приграничным территориям, какую-то часть превращали в крепостных. Особенно много пленных-протестантов было взято во время Ливонской войны (1558–1583 гг.). Пленных селили в Москве, Владимире, Нижнем Новгороде, Пскове, Великом Новгороде, Твери, Костроме, Угличе и других городах. Поселенные пленные получали право свободно отправлять свое богослужение. В Москве их селили в основном на правом берегу Яузы, где вскоре возникла Немецкая слобода, ставшая на долгое время

центром протестантизма в России. Здесь селились и приглашённые на службу иностранцы, и пленные, многие из которых также принимались на службу. Из их числа были и первые пасторы протестантских общин в Москве¹.

Четвертым и, наверное, самым многочисленным способом пополнения протестантов в составе населения России были жители территорий, присоединённых в результате войн с Ливонией и со Швецией (1700–1721 гг.). Статья 10 мирного трактата от 30 августа 1721 года оговаривала религиозные права населения этих территорий: «В уступленных землях не имеет быть введено принуждение в совести, а напротив того, евангелическая вера, церкви и училища и что к тому принадлежит на том основании, на котором при последнем Свейском правительстве были, оставлены и содержаны будут с тем, однако ж, чтобы в них и вера греческого исповедания впредь также свободно и без всякого помешательства могла быть отправляема»².

Потомков этих людей, живущих и поныне в России, никто не может упрекнуть в том, что их вера искусственна и является результатом деятельности заезжих миссионеров конца прошлого века. Это традиционная религия, а сами они уже несколько веков живут в России и являются её коренными гражданами. Так что, с мифом, созданным невежественными сторонниками борьбы с засильем экспортированных сектантов на канонической территории православной России, необходимо безжалостно и как можно быстрее расстаться.

Массовый приток протестантов в страну произошёл в годы правления Екатерины II. Приглашение императрицы на постоянное жительство в Россию для освоения южных и поволжских земель было адресовано немецким крестьянам и ремесленникам, в основном лютеранам и

¹ Цветаев Дм. *Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках*. М., 1886. Стр. 6. Курило О.В. *Очерки по истории лютеран в России (XVI - XX вв.)*. М., 1996. Стр. 151.

² Красножен М. *Иноверцы на Руси. Положение православных христиан в России*. Т. I. Юрьев, 1910. Стр. 67-68.

менонитам. «Так, только в Самарской губернии их было до 25 тысяч»¹. Указом Екатерины от 1787 года переселенцам предоставлялись свобода вероисповедания, освобождение от военной и гражданской службы и ряд других льгот.

Если все вышеперечисленные источники формирования населения России, исповедующей протестантизм, имеют отчётливую национальную окрашенность (это, главным образом, немцы, скандинавы, прибалты и их потомки), то в XIX веке появляется источник другого рода. Это протестантские объединения западного происхождения: баптизм, евангельское христианство, адвентизм, нашедшие своих приверженцев среди россиян, прежде всего русских, украинцев и других представителей коренных народов России. Речь идет об общинах русских баптистов, что существуют в России с 60-х годов, евангельских христиан – с 70-х и адвентистов седьмого дня – с начала 80-х годов XIX века.

Вместе с тем, стоит обратить внимание на одну необычную историческую черту российского лица протестантизма. Весной 1874 года на берегах Невы петербургская аристократия заговорила о приезде «лорде-апостоле»: одни – с восхищением, другие же – с насмешкой. Редсток проповедовал в России на французском языке, который в то время был вторым языком русских дворян. Проповеди Гренвилла Редстока вызвали благодатную волну пробуждения среди российской знати и интеллигенции. Одними из первых обратились к этому учению отставной гвардейский полковник Василий Александрович Пашков, сын председателя департамента законов при Государственном Совете барон Модест Модестович Корф, министр путей сообщения граф Алексей Павлович Бобринский, княгиня Ливен, княгиня Гагарина и многие другие. Позволю себе, в связи с этим, небольшую ремарку: всё вышесказанное не походит на современные мифы о том, что российский протестантизм – это удел бедной, необразованной, зомбированной умелыми пасторами, психически неуравновешенной, ничтожно маленькой части нашего общества. В отношении ничтожности «маленькой

¹ История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. Стр. 409.

части» поговорим несколько позже.

Собрания проходили во многих аристократических салонах, но чаще всего они проходили в доме полковника Пашкова, отчего это движение позднее стало именоваться «пашковщиной». М.М. Корф писал в своих «Воспоминаниях», что на некоторых собраниях присутствовало свыше 700 человек. Посетил эти собрания даже обер-прокурор Святейшего Синода.

По приглашению Ю.Д. Засецкой, дочери поэта и партизана Дениса Давыдова, писательницы и переводчицы, приходил послушать проповеди Редстока и писатель Фёдор Михайлович Достоевский. Впоследствии Достоевский писал в «Дневнике писателя» 1876 года в статье «Лорд Редсток»: «Мне случилось его тогда слышать в одной «зале» на проповеди, и, помню, я не нашёл в нём ничего особенного: он говорил ни особенно умно, ни особенно скучно. А между тем, он делает чудеса над сердцами людей; к нему льнут; многие поражены: ищут бедных, чтоб поскорей облагодетельствовать их, и почти хотят раздать свое имение... Впрочем, трудно сказать, чтоб вся сила его обаяния заключалась лишь в том, что он лорд и человек независимый и что проповедует он, так сказать, веру «чистую», барскую... Лорд Редсток как-то особенно учит о «схождении благодати» и что, будто бы, по выражению одного передавшего о нём, у лорда «Христос в кармане». Тем не менее, он производит чрезвычайные обращения и возбуждает в сердцах последователей великодушные чувства»¹.

С этого времени начинается новый этап в истории протестантизма в России – превращение его и по этническому составу в собственно российское явление, которое уже с полным основанием можно называть российским Протестантизмом, одной из традиционных религий России. «За 4-4,5 столетия, будучи первоначально привнесённым с Запада, протестантизм вполне укоренился в нашей стране, имеет устойчивую базу приверженцев, превратился в одну из традиционных религий России – российский протестантизм. Это еще раз подтверждает, что

¹ Достоевский Ф.М. ППС. Ленинград. «Наука», 1981. Т. 22, стр. 98-99.

русский протестантизм нельзя уже рассматривать как нечто инородное, стоящее вне российской государственности и русской культуры»¹.

«Бросая взгляд вглубь российской истории и зная о том, что протестантские церкви и объединения занимают сейчас второе по количеству общин и третье по числу приверженцев место в многокрасочной конфессиональной картине нашей страны, следует признать, что, хотя протестантизм в России явление, несомненно, более молодое, чем православие или ислам, и его вклад в строительство русской культуры и государственности, конечно, несоизмерим с вкладом и исторической ролью православия, это направление существует в России как минимум 400 - 450 лет, и было бы ошибкой ставить его вне российской культуры и российской традиции»².

Итак, протестантизм в России, а, значит, и пятидесятничество, как одно из его основных направлений, нельзя назвать маргинальным явлением для российской культуры. Возникновение этих религиозных образований на российской почве не было случайным – оно имело и исторические, и социальные, и, собственно, религиозные предпосылки.

«Религиозные иммигранты обретают силу лишь тогда, когда обе культуры объединяют некоторые общие потребности, взаимное влечение, которое никак не сводится к натиску ревностных миссионеров. Только при этом условии фрагменты чужеземной культуры способны замещать элементы культуры отечественной, потому что более адекватно выражают новые запросы общества»³.

Вспоминая о духовных поисках, обозначенных господствующей церковью как еретические, подготовивших и облегчивших принятие протестантских взглядов русской культурой, необходимо увидеть и

¹ История религий в России. М., РАГС. 2002. Стр. 314.

² История религий в России. М., РАГС. 2002. Стр. 304.

³ Митрохин Л.И. Баптизм: история и современность. СПб., 1997. Стр. 191-192.

другие причины, приведшие Россию к новым духовным движениям и существенно изменившим её религиозный ландшафт. Одной из таких причин был печально известный церковный раскол середины XVII века, постигший Русскую церковь, вызванный церковными реформами патриарха Никона. Раскол породил старообрядчество, разбившееся на множество течений и толков, часть из которых обрели сектантские черты. Это было время осознания кризиса веры, постигшего церковь, о чём писали многие современники той эпохи. С одной стороны, эти движения подрывали устои «церковной непогрешимости» господствующей церкви, с другой, открывали дорогу религиозному поиску для жаждущего обновления русского сознания. Все эти движения, равно как и поздние, обозначенные как еретические, подверглись одной общей судьбе: все они стали жертвами жестоких репрессий со стороны и государства, и господствующей православной церкви.

Уместно сделать предположение, что возникновение различных «ересей», трагический раскол православия при Никоне и отшатнувшаяся от официальной церкви большая часть образованных людей того времени говорят о том, что православие внутренне оказалось слабым, больше беспокоясь о политическом влиянии и собственном благополучии, чем о глубокой духовности окормляемой ими паствы. Нужно сказать, что русский царь Иоанн Грозный, будучи человеком жестоким, но умным, видел слабость православия, как учения, видел алчность и бездуховность православного духовенства. Предлагаю вниманию фрагмент гневной речи царя, обращённой к сорока иерархам накануне церковного собора 1580 года.

«...Дворянство и народ вопиет к нам со своими жалобами, что вы для поддержания своей иерархии присвоили себе все сокровища страны, торгуете всякого рода товарами, налагаете и берете мыти с проездных всякого звания людей. Пользуясь привилегиями, вы не платите нашему престолу не пошлин, не военных издержек; застращали робкую совесть благороднейшего, лучшего и полезнейшего класса наших подданных

и захватили себе в собственность третью часть, как оказывается, городов, посадов и деревень нашего государства вашею хитростью, волшебством и знахарством. Вы покупаете и продаёте души нашего народа. Вы ведёте жизнь самую праздную, утопаете в удовольствиях и наслаждениях, позволяете себе ужасные грехи, вымогательства, взяточничество и непомерные росты. Ваша жизнь изобилует кровавыми и вопиющими грехами: грабительством, обжорством, праздностью, содомским грехом. Вы хуже, гораздо хуже скотов. Ваши молитвы не могут быть полезны ни мне, ни моему народу!...»¹ Кажется, комментарии излишни...

Все еретические веяния в разной степени содействовали неизбежному историческому процессу духовного поиска. Из этих разнообразных по своей природе и социальному составу последователей движений XIV - XVI веков, выступавших не столько против самого православия, сколько против недостойной жизни большей части священства и небиблейских традиций церкви, выросли идеи и течения, которые известный исследователь русской общественной мысли и истории христианского сектантства в России А.И. Клибанов определил как реформационные: «В религиозной оппозиции второй половины XVII века прослеживаются (хотя вначале их влияние и сфера распространения ограничены) и такие направления и веяния, которые противопоставляли господствующей церкви не идеализированную патриархальную старину, а идеи, имевшие параллели в учениях русских городских еретических реформационных движений»².

Возникновение и развитие реформационных движений частью было связано с накоплением предпосылок буржуазных связей – первоначально в городах, а перемещение их в XVII веке в крестьянскую среду, по мнению А.И. Клибанова, связано с втягиванием крестьянства в товарно-денежные отношения. Результатом было формирование русского религиозного сектантства, которое также составило одну из

¹ Прошин Г.Г. Чёрное воинство. М., 1988. Стр.19-20.

² Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М., 1965. Стр. 28.

исторических предпосылок укоренения протестантских образований на русской почве.

Стоит назвать еще несколько важных причин, наложивших свой отпечаток на российскую действительность и существенно облегчивших утверждение на российской почве идей протестантизма, а в дальнейшем и пятидесятничества. Одной из причин или факторов, стимулирующих распространение религиозных исканий, стала крестьянская реформа 1861 года. Это привнесло в деревню новые товарно-денежные отношения, что вкупе с раскрепощением личности крестьянина способствовало развитию предпринимательской инициативы, росту индивидуализма, получивших теологическое обоснование в протестантской этике Запада.

Второй духовно-просветительской предпосылкой протестантизма был полный перевод и издание в 1876 году на русском языке книг Ветхого и Нового Заветов, ранее практически недоступных православным христианам. Ранее Библия издавалась на старославянском языке, на котором совершалось и богослужение в храмах. Церковь, опасаясь вольномыслия и религиозного просвещения народа, всячески «оберегала» народ от самостоятельного чтения Библии. Собственно, ситуация не сильно изменилась и в настоящее время, что сильно печалит моё сердце, как русского человека. История этого удивительного просветительского подвига весьма знаменательна и драматична.

«В 1813 году было образовано Российское библейское общество, которое взяло на себя заботу перевести на русский язык и издать Библию. В 1818 году было отпечатано Четвероевангелие в русском переводе, а в 1822 году – полный Новый Завет. Затем переводились и публиковались в разных изданиях отдельные книги Ветхого Завета. Однако под давлением реакционных церковных кругов в 1826 году Библейское общество было закрыто, а перевод Священного Писания на русский язык и его издание приостановлены по инициативе обер-прокурора Святейшего Синода графа Н.А. Протасова, почитавшего опасным позволять каждому без различия читать Священное Писание.

Делались даже «попытки запретить народу домашнее чтение Библии, полагая достаточным слышание Евангелия в церкви». И только в 60-х гг. издание отдельных книг было возобновлено. А в 1876 году была издана полная русская Библия»¹.

Это событие значительно расширяло круг людей, самостоятельно читающих Библию и размышляющих над нею, что привело в дальнейшем к облегчению евангельской проповеди и принятию её на русской земле.

Третьей, достаточно драматичной и даже трагичной, причиной было состояние русской интеллигенции. Известен тот факт, что «почти никогда на Руси народные массы не имели доступа к книгам (самое главное – к Библии), образованию, высокой культуре. Церковь узурпировала культурные богатства христианства, но и сама далеко не в полной мере использовала их. Этот отрыв от народа стал усиливаться в результате прозападных реформ Петра I, когда интеллигенция начала активно втягиваться в орбиту влияния европейской культуры, бросив народные массы на произвол судьбы. Но последствия петровского курса оказались трагическими и для самой интеллигенции, которая лишилась культурной «укоренённости», живых национальных истоков. Не здесь ли следует искать причины духовной слепоты и невежества широких масс, смертельной слабости православной церкви и интеллигенции, явленных перед страшным судом 1917 года?»²

Еще одной опасностью, угрожавшей с XVIII века и православной церкви, и интеллигенции, была идеология Просвещения, обожествляющая человеческий разум и вытесняющая христианскую веру в душах людей материалистическим взглядом на мир. Мощные атаки просветителей на Церковь убедили тогда многих в закате христианства. Русская интеллигенция, оторванная от народа, несмотря на все успехи христианской мысли, не смогла противостоять ни секуляризации общества, ни пагубному влиянию западного мира. Двадцатое столетие

¹ *Библейские общества // Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. Стр. 248*

² *Черенков М. Христианская интеллигенция: быть или не быть? // Антология «Мирт-2000». СПб., Мирт. 2001. Стр. 42.*

ознаменовалось отходом от церкви многих образованных людей того времени. Большинство современных людей, по сути своей, стали гедонистами, то есть потребителями благ, которые им представляло общество. Они не были противниками христианства, они о нем просто не думали! Это и породило «сон разума, который рождает чудовищ», изображенный Франциском Гойей в своей знаменитой картине.

Каков же был реальный религиозный ландшафт России? Была ли Россия начала двадцатого века действительно православной, как нередко можно услышать и поныне? По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 года, проведенной путём непосредственного опроса на одну и ту же дату, в России насчитывалось 2 137 738 «сектантов и раскольников». Но, как пишет В.Д. Бонч-Бруевич, «сведения эти вызвали большую литературу к полемике в нашей легальной печати, которая единогласно, кроме органов православия и правительства, высказалась с полным недоверием к этой цифре»¹.

Вскоре в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась, не очень приятная для правящего режима, статья Л. Борецкого «Два миллиона или же двадцать миллионов», в которой указывалось, что «раскольников и сектантов» в России не менее 20 миллионов.

Более точные расчёты позволяют думать, что старообрядцев в России было около 20 миллионов, а так называемых сектантов всех направлений, то есть христововеров, духоборцев, молокан, баптистов, штундистов, евангельских христиан, адвентистов и других – порядка 6 миллионов. Правда, некоторые советские исследователи – например, В.Ф. Миловидов – склонны думать, что эти цифры преувеличены вдвое. Как бы то ни было, цифры просто заставляют задуматься о том, что «сектантство», как предвестник протестантизма, а равно и сами протестантские образования, занимало существенное место на религиозном поле России.

¹ Бонч-Бруевич В.Д. *Избранные атеистические произведения. М., Мысль, 1973. Стр.198.*

Характерной чертой жизни и развития всех «сектантов» и «раскольников» во все времена были постоянные преследования инакомыслящих как самим государством, так и господствующей церковью. Наиболее серьёзные преследования начались с назначением печально-скандально известного К.П. Победоносцева обер-прокурором Святейшего Синода. В период с осени 1881 года по 1885 год были приняты различные указы, существенно изменившие положение иноверцев, в том числе и немецких колонистов-штундистов (название этого движения произошло от немецкого *Stunde* – час, время для чтения и толкования Библии). Так было до конца XIX - начала XX столетия. Трудно с уверенностью сказать, что повлияло на отношение государства к сектантам, но, в отличие от политики Православной церкви, государственная политика претерпела изменения.

Особый интерес представляет манифест Николая II от 26 февраля 1903 года, содержащий положения, облегчавшие существование штундистов, баптистов и евангельских христиан: «Укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Российской империи, которые благоговейно почитают Православную церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным нашим инославных и иноверческих исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной». «Завет веротерпимости» начертан и в основном Законе современной России, остается только надеяться и верить, что исторический опыт будет по достоинству оценён, и российским гражданам будет предоставлено долгожданное право на «свободное отправление их веры».

Высочайший указ от 12 декабря 1904 года в развитие Манифеста 1903 года предписывал «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих и инославным, и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же, в административном порядке, соответствующие меры к устранению в религиозном быте всякого, прямо на законе не установленного

стеснения».

17 апреля 1905 года последовал именной Высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости», который признавал, что «отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных и гражданских последствий, причем отпавшее православия лицо по достижении совершеннолетия признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало».

Итог подвел Манифест Николая II от 17 октября 1905 года, в котором говорилось: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»¹.

Потом произошло долгожданное событие: 1 ноября 1905 года обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев был отправлен в отставку. Этот период ознаменовался торжественным шествием гражданских свобод и прекращением прямых гонений на протестантское сектантство, с одной стороны, и наметившимся драматическим переломом всесторонней государственной жизни, с другой.

«Кризис, постигший народ, церковь и интеллигенцию в начале XX века, слишком поздно встревожил прогрессивную мысль. В поисках спасения из губительной ситуации вышедший в 1909 году сборник «Вехи» впервые поднимает вопрос о печальных уроках истории русской интеллигенции. В статьях лучших представителей русской религиозной и научной элиты звучит боль о прошлом и предостережение о будущем. Но было уже слишком поздно: предостережение ничего не могло изменить, да и мало кто ему внимал. Всесторонний кризис нашёл свое выражение в страшном и постыдном явлении «распутинщины», когда духовная и светская власть окончательно себя скомпрометировала. Слепой народ, лишённый ориентиров, наставников и руководства, легко стал добычей антихристианской революционной пропаганды. В

¹ *Альманах по истории русского баптизма. СПб., 1997. Стр. 147.*

этом, вероятно, и заключался «секрет» успеха большевиков: не нужно было ничего завоёвывать и свергать, страна была безнадежна больна. Таившиеся в недрах масс тёмные, бессознательные, разрушительные силы были отпущены на свободу и направлены против государства, церкви, интеллигенции»¹.

Как же это повлияло на успех распространения идей протестантских конфессий, особенно пятидесятничества? Ответ может оказаться обнажённо простым – образовавшийся вакуум духовности должен быть обязательно заполнен. Общество, уставшее от потрясений, страстно хотело успокоения. Именно в этот момент своевременным оказалось пятидесятническое учение об оправдании верою и сверхъестественное переживание харизм Духа, помогавших не только возвыситься над трудностями, но и насытить глубокую жажду запредельных переживаний. Ожиданиям вскоре неизбежно суждено было сбыться.

Как же собственно начиналось пятидесятническое движение в России? Имеет ли место определённая цепь событий, или же события развивались хаотично и не поддаются исследованию? Вопрос можно задать и предельно просто: пятидесятники, кто они?

В России первые миссионеры пятидесятничества появились незадолго до Первой мировой войны на северо-западе страны, в Финляндии. Почва для их деятельности готовилась еще с 1873 года, когда в Санкт-Петербурге проповедовал известный английский лорд Гренвилл Редсток. В 1911 году в евангелических общинах Гельсингфорса (Хельсинки) проповедовали миссионеры-пятидесятники Томас Барратт, пастор из Норвегии, и Леви Петрус, основоположник самого мощного религиозного движения в Швеции после лютеранства. Восприятие этих проповедей было подготовлено многолетними спорами в среде российских баптистов и евангельских христиан о так называемых духовных пробуждениях и о благодати пятидесятницы, описанной в первых главах Деяний апостолов. Семена их проповедей падали на

¹ Черенков М. Христианская интеллигенция: быть или не быть? // Антология «Мирт-2000». СПб., Мирт, 2001. Стр. 42

благодатную почву. Община евангельских христиан в Гельсингфорсе оказалась на грани внутреннего раскола, учение пятидесятников поддерживали руководители общины А.И. Иванов, а также Н.П. Смородин и С.И. Прохоров. Председатель Всероссийского Союза евангельских христиан И.С. Проханов не принял нового учения и, по сути, обвинил Иванова в том, что он заблуждается и впал в ложное учение, тем самым отрестившись от этого движения. Свою точку зрения Проханов выразил в издаваемой им газете «Утренняя звезда» №15 от 1914 года: «В Гельсингфорсе, Выборге, а также и в Петербурге появилась секта людей, называющих себя «пятидесятниками», а в действительности трясуны. Эти люди мало чем отличаются от хлыстов и прыгунов. Они ничего общего не имеют ни с баптистами, ни с евангельскими христианами». Как же всё это похоже на ярко выраженную реакцию православия на возникающие межконфессиональные разногласия. Бедная Россия, когда же мы все прозреем?!

В 1913 году общины пятидесятников действовали уже в Выборге, а вскоре и в Петербурге, назвав себя евангельскими христианами в духе апостолов. За ними закрепилось также расхожее название пятидесятников-смородинцев (по имени Н.П. Смородина, активного проповедника и миссионера). Через некоторое время общины пятидесятников существовали уже в Московской, Новгородской, Вятской, Витебской и Могилевской губерниях. В 1914 году А.И. Иванов и Н.П. Смородин проповедовали в Тифлисе. Здесь, в Закавказье, также образовались общины пятидесятников, в основном из среды баптистов, евангельских христиан, а также молокан-прыгунов и хлыстов, с которыми их роднила экстатическая обрядность.

В 20-х годах наиболее распространённым и многочисленным направлением пятидесятничества на Украине и в России стали христиане евангельской веры, или пятидесятники-воронаевцы. Основателями этого движения были И.Е. Воронаев и В.Р. Колтович.

И.Е. Воронаев, баптист по вероисповеданию, прежде проповедовал в Иркутске и Красноярске. В 1912 году он эмигрировал в США, где стал

пресвитером Русской Баптистской Церкви. Здесь он познакомился с учением пятидесятников и, выйдя из баптистской общины, основал в Нью-Йорке Церковь русских пятидесятников. В 1921 году И.Е. Воронаев и В.Р. Колтович прибыли в Одессу. Они начали проповедовать в братстве баптистов и евангельских христиан доктрину о крещении Святым Духом со знамением языков, что вызвало раскол в общинах. И.Е. Воронаев образовал свою церковь и в 1922 году зарегистрировал её под названием «Одесская община христиан евангельской веры». Под влиянием проповеди И.Е. Воронаева общины ХЕВ возникли в городах и сёлах вокруг Одессы, в Тирасполе, Николаеве. В Крыму движение воронаевцев приняло массовый характер.

Усилиями Воронаева в 1924 году был создан сначала Одесский союз ХЕВ, а в 1926 году – Всеукраинский союз ХЕВ. Предпринимались попытки к созданию организации ХЕВ в масштабе СССР. На II Всеукраинском съезде ХЕВ в 1927 году уже присутствовали представители церквей Москвы, Урала, Сибири, дальнего Востока и Закавказья. Только на Украине к этому времени насчитывалось около 400 церквей ХЕВ с количеством верующих до 25 тыс. человек. Начал издаваться журнал «Евангелист». Союз стремился утвердиться, демонстрируя властям свою лояльность к советским законам. Так, резолюция II съезда указывала, что члены церквей христиан евангельской веры должны отбывать воинскую повинность наравне со всеми гражданами страны. Однако в 30-х годах союз ХЕВ был лишён регистрации и распущен, а его руководители репрессированы.

Другим очагом возникновения пятидесятничества стала Тернопольщина, входившая тогда в состав Польши. Сюда в 1919 году вернулись из США крестьяне с. Быковцы П.А. Ильчук и Т.С. Нагорий, принявшие в эмиграции крещение в церкви пятидесятников. Они образовали первые общины пятидесятников в своем селе, а затем в г. Кременце. Активную проповедь идей пятидесятничества вели на Тернопольщине и Волыни с 1923 года американцы украинского происхождения Иван Герис и Иосиф Черский. Ввиду достаточно

большого успеха эти руководители создали в 1924 году в г. Кременце Союз пятидесятников и провели его первый съезд. Второй съезд, также носивший локальный характер, произошел спустя несколько лет, также в Кременце.

В 1928 году под эгидой крупнейшего американского и международного пятидесятнического объединения «Ассамблея Бога», связанного с именами немцев Густава Шмидта и Артура Бертольда, была образована Восточноевропейская миссия с центром в Данциге (ныне Гданьск), которая провела в 1929 году Объединённый съезд представителей украинских, русских, польских и немецких церквей пятидесятников. На съезде был образован Союз христиан веры евангельской. Именно это направление (ХВЕ) после вхождения в 1939 году Западной Украины и Западной Белоруссии, а в 1940 году Бессарабии и Прибалтики в состав СССР стало быстро распространяться в нашей стране и превратилось в наиболее многочисленную и по числу общин, и по числу верующих ветвь пятидесятничества в СССР. В это же время усилиями Густава Шмидта в Данциге начинает издаваться журнал «Примиритель», а 2 марта 1930 года была открыта первая пятидесятническая Библейская школа в Европе.

В конце Великой Отечественной войны христиане евангельской веры и христиане веры евангельской формально объединились, хотя обособленность их общин сохраняется и поныне.

В 1945 году часть объединений христиан веры евангельской, а в 1947 году часть евангельских христиан в духе апостолов, в основном под нажимом властей, вошли в Союз евангельских христиан-баптистов. При этом некоторые церкви ХВЕ сохранили свою самостоятельность, а в других случаях возникли общие баптистско-пятидесятнические церкви. Неприсоединившиеся же общины христиан веры евангельской – пятидесятников стали действовать без регистрации, со всеми вытекавшими из этого последствиями. С 1968 года часть присоединившихся к ВСЕХБ пятидесятнических общин стала регистрироваться самостоятельно, другие же принципиально не

соглашались с регистрацией, считая её греховным делом. В 1989 году церкви христиан веры евангельской вышли из Союза евангельских христиан-баптистов и образовали собственное объединение.

В 1991 году был создан Объединённый союз христиан веры евангельской – пятидесятников, в который вошёл и Союз христиан веры евангельской России. В июне 1994 года Второй съезд ОСХВЕ, делегатами которого были епископы Союзов ХВЕ России, стран СНГ и Прибалтики, принял новое название – Объединённый евразийский союз ХВЕ – и утвердил вероучение ХВЕ.

В 1990 году съезд церквей ХВЕ РСФСР учредил Союз ХВЕ Российской Федерации, принял Устав и избрал руководящие органы. На 1 января 2000 года было зарегистрировано 678 религиозных объединений ХВЕ, в том числе 25 религиозных центров и духовных управлений, 598 поместных церквей (общин), 50 миссий и 5 духовных учебных заведений. В настоящее время Союз христиан веры евангельской – пятидесятников в России имеет существенно изменённые цифры. Это более 60 крупных региональных объединений, объединяющих около 1530 церквей. С 1992 года в Москве действует Теологический институт, который готовит служителей для поместных церквей России, а также русскоязычных общин в странах СНГ. Действует Теологический институт в Омске и Иркутске и ещё несколько – по всей России. Всего в этих институтах и более чем в 30 библейских школах обучается более 3500 студентов. Союз издаёт журнал «Примиритель» и детский журнал «Радость». Ряд региональных объединений имеет свои периодические издания, всего более 50. Союз ХВЕ является учредителем Общественной российской христианской телерадиокомпании. Современное название Союза – Российская Церковь Христиан Веры Евангельской.

Ситуация, сложившаяся в результате принятия в 1997 году Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», обусловившего регистрацию местной религиозной организации (группы, поместной церкви) документальным подтверждением её существования на данной территории не менее 15 лет или вхождения её

в зарегистрированную централизованную религиозную организацию, стимулировала стремление многочисленных протестантских групп, организаций, ассоциаций, церквей, миссий, возникших, как правило, в последнее десятилетие и не имеющих шансов представить документы, гарантирующие им прохождение указанного временного ценза, войти в существующие зарегистрированные централизованные религиозные организации. В рамках этого процесса в Союз христиан веры евангельской – пятидесятников в России (ХВЕП) в 1998 – 1999 годах вошли часть корейских пресвитерианских церквей, принявших вероучение Союза, часть христианских церквей Пола Йон Ги Чо и миссия «Благодать» («Грейс»).

Помимо Российской Церкви Христиан Веры Евангельской на территории Российской Федерации действует незарегистрированная Объединённая церковь христиан веры евангельской (пятидесятников), имеющая множество церквей и групп, которая никаких различий в вероучении и совершении богослужений с христианами веры евангельской не имеет.

В октябре 1998 года был образован новый российский объединённый пятидесятнический союз – РОСХВЕП, включивший в себя несколько различных союзов, ассоциаций и церковных объединений, ранее существовавших на территории России, в который входят более 1200 зарегистрированных церквей и множество религиозных групп.

Значительное количество общин продолжает действовать без регистрации, считая её греховным делом, подводящем, якобы, эти церкви под контроль и вмешательство государства в их внутренние дела. По всей видимости, руководители этих церквей либо не смогли оценить перемен в стране, либо просто проигнорировали эти перемены. Впрочем, Закон оговаривает возможность не проходить процедуру регистрации, а хранить статус религиозной группы.

ГЛАВА 4.

Православная церковь и российское пятидесятничество.

Итак, пятидесятничество, как одно из направлений протестантизма, нашло поддержку среди россиян, по тем или иным причинам не сумевших удовлетворить свой духовный голод в лоне Русской Православной Церкви. Согласно статистическим данным, в России зарегистрировано около 5000 протестантских церквей, большая часть которых – пятидесятники. Однако эти цифры не отражают полной картины, так как немалая часть церквей не зарегистрирована в органах Министерства юстиции и существует как религиозная группа, что разрешено законодательством.

Подходя к вопросу о перспективах российского пятидесятничества, возникает необходимость в сопоставлении Русской Православной Церкви и церквей пятидесятнических. В этом случае главной составляющей сравнительного анализа должно быть соответствие принципам Библии и Божьим заповедям. Именно этот аспект, удовлетворяющий Бога, и определит перспективы развития, что безмерно важно для уставшей от духовных поисков России. При этом нельзя пренебречь и социальным сравнением.

К сожалению, ситуация в нашей стране пока ещё весьма не стабильная, а потому по-прежнему важны слова Владимира Соловьёва, так много писавшего о вере и национальном вопросе в России: «...народ, желающий во что бы то ни стало сохранить душу свою в замкнутом и исключительном национализме, потеряет ее, и только полагая душу

свою в сверхнародное вселенское дело Христово, народ сохранит ее»¹. Хотим мы того или нет, но в современной России национализм весьма легко пересекается с религиозной идеей. Любое христианское движение, не приносящее реального изменения жизни народу, носит в себе дух сектантства. Его необходимо избежать всеми доступными средствами.

Необходимо, прежде всего, рассмотреть вопрос о «сектантстве» пятидесятников, часто обсуждаемый как в православной среде, так и во многих СМИ. Это тем более важно, что успешное служение своему Отечеству, покрытое общественным страхом и презрением к сектантам, ставит под сомнение возможность достижения высоких социально значимых результатов.

В качестве иллюстрации можно прибегнуть к большому списку статей, речей, реплик ко всем верным чадам Русской Православной Церкви, переполняющих СМИ и пространство Интернета и называющих еретиками всех, кто утверждает, что спасение возможно вне Православной церкви.

Было бы заблуждением думать, что подобная точка зрения уникальна и её не разделяют многие другие клирики РПЦ и донныне. Вместе с тем позволю себе одно уточнение. Речь идёт только о православии в лице Московской Патриархии. Все остальные восемь направлений Православия на территории России, имеющих около 450 церквей и приходов, также выпадают из числа верных чад церкви без права на спасение. Кажется, это сильно напоминает религиозный снобизм... Современные же «борцы» с сектантами и заблудшими и вовсе не скрывают своей странной радости от преследования «инославных». Нужно быть слепым и глухим, чтобы не увидеть в подобных заявлениях горделивые притязания на непогрешимость и нерушимое «каноническое пространство» Православия. Неужели так трудно принимать уроки истории? Вместе с тем, будет также неразумно сгущать краски, занимая другую позицию в крайностях. В подтверждение последним словам хочу

¹ Соловьёв В.С. Сочинения. М., Правда, 1989. Т. I, стр. 270.

привести цитату из интервью с одним замечательным православным человеком, протоиереем Александром Менем: «Пятидесятники и адвентисты – это наши братья во Христе, это люди, исповедующие нашу же веру, но имеющие другие традиции, другие обряды, другие формы религии, но то же самое Священное Писание и те же самые основы веры».

Да, сейчас пока ещё невозможно говорить о взаимоотношениях различных конфессий в России в контексте той братской любви, которую заповедало Евангелие. У нас нет кровопролития, как в Северной Ирландии, но фактически нет и взаимодействия. Перестройка и последующие процессы поставили перед Русской Православной Церковью великое множество задач, а сил мало. Не хватает средств на восстановление храмов и монастырей, недостаточно священников, особенно духовно образованных. Несмотря на претензию носителя духовной культуры народа, всё ещё слаба структура духовного образования. Церкви приходится бороться, порой не всегда успешно, с секуляризмом и искушением принять помощь от различных национал-патриотических организаций, втягивающих её в политические интриги. Если добавить к этому неумеренное желание церковных иерархов с помощью государственной власти и движений «борцов с сектами» сделать Россию православной, становятся очевидными серьёзные трудности для укрепления авторитета церкви в обществе.

Итак, православное духовенство, за редким исключением, осознанно настраивает прихожан против различного рода «еретиков-сектантов» и предателей русских традиций, вторгшихся на «каноническую территорию» Православной церкви. Пятидесятники, в свою очередь, не могут или не хотят простить этой травли в прошлом и настоящем, осуществляемой государством вкупе со лжепатриотами при поддержке православной церкви. Современные межцерковные отношения можно определить как «нетерпимость», с некоторой претензией на терпимость, причиной которой является отсутствие религиозного плюрализма и религиозной толерантности.

Ситуация осложняется ещё и тем, что не существует юридического определения термина «секта», возможно поэтому многие люди не боятся злоупотреблять им. Есть основания полагать, что это определение необходимо отнести к категории этического. Своеобразное определение секты, возможно лучшее из всех, дали известные философы Православной церкви Павел Флоренский и Сергей Булгаков. «Секта – это осколок великой идеи, обмеление большой реки, искажение и узость, так сказать – провинциализм в религии. Если мы встречаем религиозное учение, которое не принимает в себя всей истории человеческой мысли, не понимает этой истории, не объясняет её, проходит мимо, не благословляя и не осуждая, а просто не замечая того или иного факта человеческой жизни – мы имеем дело с сектой. Если какое-нибудь религиозное движение не животворит, не возрождает те страны, по которым оно протекает, если под его влиянием не расцветает человеческая мысль, не возрождаются искусства, науки, не обогащается и не повышается в своем темпе общенародная жизнь – мы имеем дело с сектой. Если, наконец, отдельные последователи этого учения не приобретают мудрости, чувства связанности со всем миром в его прошлом и настоящем, то это учение – не всецелая животворная истина, а секта»¹.

Пожалуй, если применить это определение к протестантизму вообще и пятидесятничеству в частности, тогда только буйная фантазия, или полное её отсутствие, может сохранить за этим движением ярлык сектантства. Вместе с тем, будет справедливо применить это определение не только к протестантским церквям. Предполагаю, что результаты будут шокирующими...

Религиозные воззрения и сформированное на их основе мироощущение пятидесятничества характеризуются безусловной приверженностью Священному Писанию, а также искательству водительства Духом через харизмы Духа. Если православные люди

¹ *История религий. Репринт, 1909 г. М., 1991. Стр. 188-189. Цит. по: История религий в России. М., РАГС. 2002. Стр. 255.*

воспринимают христианскую веру, прежде всего, эмоционально, через церковные таинства, чудо мирроточения икон и целительную силу мощей святых Божьих угодников, эстетику храмов и красоту литургий, то пятидесятники – через изучение Слова Божьего.

Если же попытаться сравнить религиозную культуру Православия и пятидесятнических церквей России, то можно обратить внимание, по словам А. Сорокина, на одну интересную черту: «Богослужения в протестантских церквях разительно отличаются от православных литургий: в них нет места таинству и чуду, нет вековых традиций, нет освящённых образов, способствующих молитвенной сосредоточенности прихожан... Протестантские службы характеризуются большой простотой и оптимизмом, возможностью неформального общения друг с другом и с пастором. Им чужд полный смирения и скорби рефрен литургий православной церкви: «Помилуй мя, Господи! Помилуй, мя!»¹

Можно попытаться оспорить точку зрения автора этой заслуживающей внимания статьи, особенно в вопросе недостатка смирения у протестантов. Смирение, по сути своей, есть признание всех прав Бога на жизнь человека и решение жить согласно этим признанным правам. Трудно будет доказать отсутствие зависимости от Бога у многих пятидесятников. Но, пожалуй, лучше выразить сожаление о том, что протестантам, в определённой степени, действительно чужда подобная форма смирения, веками показавшая свою силу в российском богоискательстве. Верно, пожалуй, одно: российское пятидесятничество долго стояло перед вопросом выживания среди различных гонений, а потому несколько задержалось с формированием собственной культуры. Пятидесятническая культура, во всех её востребованных формах, ещё продолжает формироваться, что вселяет большую надежду.

Здесь уместно задуматься о роли интеллигенции в церкви, могущей ускорить процесс формирования развитой религиозной культуры. К великой печали, 1917 год положил начало кровавой братоубийственной

¹ Сорокин А. *Протестантизм в России на рубеже XXI века. // Антология «Мирт-2000».* СПб., 2001.

войне, продолжавшейся до середины 80-х годов, в которой различными изощрёнными способами был почти уничтожен «цвет» нации, её «совесть» и «честь». Сегодня не существует единого подхода к решению вопроса о необходимости ярко выраженного присутствия интеллигенции в церковной жизни. До сих пор в ней видят опасность гордого разума, сомнения, скептицизма, утраты веры, противопоставляя вере интеллектуалов веру рыбаков – первых апостолов. Насколько справедливо такое предвзятое сравнение? Десятилетиями с дьявольским остервенением уничтожалось всё, что напоминало о прошлом страны, что бередило память и мучило совесть. Вероятно, поэтому постсоветский человек антиисторичен, ужасающе духовно пуст, лишён памяти и совести, а, значит, и способности к раскаянию. Церковь должна глубоко осознать активную роль интеллигенции в процессе формирования церковной культуры, чтобы помочь «вернуть память» нынешнему поколению. Это как нельзя лучше представлено в Библии, на страницах которой многие пророки и Сам Господь призывали к тому, чтобы хранить память от всякого разрушения.

Отличия существуют также и в церковном менталитете, большей частью сформированном во многих новых церквях пятидесятников через служение иностранных миссионеров в постперестроечный период. Дело в том, что в парализованную экономически, политически и идеологически страну приехало немало американских, корейских и иных миссионеров из различных, нередко конкурирующих друг с другом, церквей и миссий. Многие миссионеры, как правило, не готовы были учитывать культурные и религиозные традиции России, являясь заложниками традиций и опыта организаций, направивших их в Россию. В результате, они объективно способствовали формированию нового типа религиозного менталитета у россиян. Основанные ими в России церковные организации онтологически предназначены для людей с иным историческим и культурным опытом, что привело к высокому уровню прагматизма, а порой и религиозному фанатизму. Но всё же нельзя игнорировать тот факт, что большинство миссионеров

проделали огромную работу по возвращению духовных ценностей российским гражданам.

Таким образом, различия между Русской Православной Церковью и пятидесятническими (протестантскими) церквями усугубляются различиями в менталитете верующих, сформированными многовековой православной культурой у одних и воздействием некоторых современных зарубежных культур у других. Однако есть необходимость внести уточнения в этом вопросе. Различные, в том числе и психологические, наблюдения и исследования за развитием человека и его поведением показывают, что наследие многовековой культуры невозможно изменить в исторически короткие сроки. В связи с этим, нельзя однозначно утверждать, что разумное православное наследие, даже в пятидесятнических церквях, быстро сдаст свои позиции, что, бесспорно, утешает. Для подобного утверждения есть все основания, и это отражается в песнопениях, грусти молитв и тоске по запредельному. Русская культура, частью сформированная под влиянием Православия, даже одетая в церковные одежды, должна сохраниться как русская культура.

Сложность отношений между конфессиями обусловлена ещё и разной точкой зрения на вопрос духовной преемственности. Русская Православная Церковь ведет свою родословную от Апостольской церкви через Византийскую (Восточную) церковь. Для неё существенно важна и обязательна непрерывность традиции хиротонии, идущей от первых апостолов. Большое значение имеют совершение церковных таинств, почитание мощей святых, чудотворных икон и святоотеческих преданий наравне с Библией. В этом аспекте, большинство протестантских церквей воспринимается Русской Православной Церковью как неистинные церкви, которые не открывают человеку путь к спасению, а рукоположения, совершенные в большинстве пятидесятнических церквей, не могут быть признаны легитимными с точки зрения исторических церквей. Хотелось бы сделать небольшое уточнение. Дело в том, что русское православие представлено не только Московской

патриархией, но и другими историческими православными церквями, взгляды которых не всегда и не во всём совпадают с богословием и традициями Московской патриархии. А потому утверждение о том, что единственным полномочным хранителем библейской веры и традиций является Московская патриархия, ставит её в неловкое положение, перенося конфликт уже в среду других православных церквей.

Впрочем, на помощь быстро приходят современные «сектоборцы», решающие этот вопрос с поразительной лёгкостью, вплотную граничащую с глупостью: все, не принадлежащие к Русской Православной Церкви, – сектанты!

Протестанты относятся к этой проблеме иначе. Большинство пятидесятнических лидеров считает, что непрерывность хиротонии не является необходимым условием для полноценного пасторского служения, ссылаясь при этом на руководство Духа и некоторые тексты из апостольских посланий, касающихся вопросов пастырского служения. В этих церквях основная роль пастора заключается в том, чтобы прихожане услышали голос главного Пастыря – Господа Иисуса Христа. Впрочем, дискуссии по вопросу апостольской преемственности пришли в тупик ещё при историческом разделении Католической и Православной церквей. Это подтверждает известный исторический факт о взаимном предании друг друга анафеме (церковному отлучению) православных и католических иерархов. Из учения же всех христианских конфессий известно, что при наложении анафемы все рукоположения считаются недействительными. Есть лучший аргумент для определения законности служения, который выдвигал ещё апостол Павел – это результат пасторского служения. В этом вопросе всё же есть один позитивный аспект: уважение авторитета церкви, присущее обеим конфессиям, что и закладывает, пусть малый, но ещё один камень под основание для диалога.

Русская Православная Церковь хранит останки людей, прославившихся при жизни великим благочестием. На основе изучения их биографий и богоугодных деяний Церковь причисляет их к лику

святых, иными словами – канонизирует. Считается, что мощи святых обладают способностью освящать и исцелять верующих, поэтому приток православного народа к ним никогда не иссякает. Пятидесятники же называют святыми всех, кто принял Христа и живёт по Его заповедям. Они верят в то, что только Бог владеет освящающей и исцеляющей силой, поэтому именно к Нему следует обращаться с просьбами об очищении от греховной скверны и исцелении тела. Конфликты в этих вопросах, отчасти, могут быть вызваны непониманием того, что именно православный человек вкладывает в почитание святых подвижников прошлых веков и благоговейного отношения к их мощам. Часть проблемы скрывается также в неспособности некоторых иерархов ясно, без амбиций, изложить свою позицию. К тому же, в Библии упоминается один случай, когда умерший человек, коснувшись костей Божьего пророка Елисея, воскрес. Это нельзя вводить в учение, но и нельзя отвергать как возможность. Желание слышать оппонента и избегать крайностей – способность веры, порождающей милосердие, а не фанатизм.

Русская Православная Церковь почитает образы Господа Иисуса Христа, Пречистой Девы Марии и многочисленных святых, многие из которых считаются чудотворными, а некоторые даже мирроточат. В честь чудотворных икон выстроены храмы и хранящиеся там иконы рассматриваются как величайшие святыни. Для православного верующего икона является не только образом того, кому предназначена молитва, но и объектом, обладающим освящающей силой. Споры по этим вопросам давно перешагнули церковную ограду. В пятидесятнических собраниях нет икон, поскольку считается, что молитва перед иконами и их целование сродни поклонению статуям и скульптурам языческих божеств. Пятидесятники, стремясь к первоисточкам своего вероучения – Библии, отказываются от всего, что стоит между ними и Богом. Будет разумным для всех защитников православных традиций и их оппонентов осознать необходимость в том, чтобы услышать тех, кто готов объяснить ясно, без суеверий, значение икон и образов. Пожалуй,

лучшее понимание этого вопроса представлено в замечательной книге Александра Меня «Таинство, Слово и Образ». Если же обвинять всех православных в изготовлении и поклонении образам, необходимо дать и разумное объяснение многочисленным открыткам с изображениями Христа, переполняющим магазины протестантской литературы. Также придётся дать объяснение, насколько подобная практика у протестантов соответствует богословию Библии. Однако, особой уверенности в том, что кем-то из протестантских богословов будет дана библейская оценка подобной практики, лично у меня нет.

По богословию Русской Православной Церкви верующие могут поддерживать молитвенное общение со святыми и молиться за души умерших, в том числе и за тех, кто при жизни не верил в Бога. Считается, что посмертная участь последних по молитве церкви может быть облегчена. В этом многие православные находят огромное для себя утешение, ибо у них остается надежда на возможность вымолить у Бога прощение усопшим близким. Протестанты не разделяют подобной надежды, считая, что спасение даётся только по личной вере в Иисуса Христа и никакие молитвы после смерти человека уже не в состоянии изменить его участь. Не разделяя взгляды православия на молитвы за умерших, в том виде, как они часто представляются священниками, всё же отмечу, что когда все мы окажемся по ту сторону жизни, в запредельном мире, нам придётся удивиться многообразной милости Бога. Епископ Игнатий Брянчанинов в своём известном «Слове о смерти» достаточно много уделил внимания вопросу мытарств души. Возможно, потребуется более близкое знакомство пятидесятнических учителей с этим вопросом, чтобы идея мытарств души и влияние дыхания смерти на умирающего могла осмысливаться без протестантской предвзятости. Нельзя «мимоходом» пренебрегать православным наследием в столь серьёзных вопросах.

Православная церковь хранит и почитает святоотеческие предания, отражающие духовный опыт благочестивых людей на протяжении веков. Этот духовный опыт представляется для православных

верующих ничуть не менее значимым, чем опыт апостолов, а нередко вытесняет его. Пятидесятники, не отрицая ценность духовного опыта, отражённого в трудах отцов церкви, отдают безусловный приоритет Священному Писанию, единственному незамутнённому источнику мудрости и откровений Божьих. Полагаю, что перспектива развития пятидесятнических церквей неизбежно поставит серьёзный вопрос о более глубокой оценке преданий отцов церкви и многих подвижников. Иначе придётся признать еретическую мысль о том, что прошлое христианства, в данном случае – восточного, было обойдено особой духовностью. К тому же, то облако святых свидетелей, представленное апостолом Павлом в 12 главе послания Евреям, недостаточно полно представлено и, тем более, объяснено в проповедях и в жизни многих пятидесятников. Нам всем нужно смотреть на жизнь прежних наставников и, поминая их кончину, подражать их вере (Евреям 13:7). Безусловно, можно дискутировать по форме этого вопроса, но не по его сути.

Чин богослужений Русской Православной Церкви сложился в течение многих веков и характеризуется торжественностью и особой театральностью, притягивая внимание прихожан, вовлекая их в происходящую службу. Богослужения протекают степенно, по редко менявшемуся в истории церкви сценарию. Тексты песен выверены столетиями, литургическое пение стало достоянием не только церковной, но общенародной культуры. Многие прихожане буквально сливаются с литургией, другие же, не понимая богослужебного языка и смысла происходящего, остаются в большей степени зрителями, нежели участниками службы. Братское общение между прихожанами православных храмов, как правило, ограничено.

Совсем иную картину можно увидеть на богослужениях во многих вновь образованных евангельских церквях. Большая их часть не имеет собственных зданий и арендует клубы и кинотеатры, интерьер которых отнюдь не располагает к молитвенному общению с Богом. Собрания, в основном, тяготеют к свободному выражению чувств собравшихся,

наполнены экстатическим прославлением современного характера. Большую часть времени обычно занимает проповедь и молитвы за нуждающихся в чём-то людей. Таким образом, богослужения во многих евангельских церквях, порой копирующие богослужения американских или корейских церквей, разительно отличаются от литургий Русской Православной Церкви, полных торжественности и необычного аромата курящегося ладана, и воспринимаются православными верующими как кощунственная пародия на церковную службу, которая для многих прихожан стала сакральной. Однако, столь радикальное сравнение богослужений разных конфессий просто неуместно, так как человеческая душа избирательна в своём выражении. Можно сказать, пожалуй, лишь одно: многим пятидесятническим лидерам недостает того глубокого понимания богослужения, выраженного Павлом Флоренским как «синтез искусств», захватывающий все стороны человеческой личности. Протоиерей Александр Мень назвал его «храмовым искусством», от которого мы не имеем права отказываться. Разумен тот, кто берёт из прошлого лучшее.

Говоря о необходимости диалога в рамках религиозного плюрализма, необходимо затронуть ещё один вопрос, касающийся взаимоотношений с Русской Православной Церковью, способный повлиять на исход этого диалога. Вопрос касается термина и понятия «каноническая территория» или «каноническое пространство» православной церкви. Понятие «каноническая территория», или шире – «каноническое пространство», стало входить в язык медиа с начала 1990-х. Всякий раз, когда заходит разговор о миссионерстве или создании новых церквей пятидесятников на территории России, сразу же появляется это грозное, как «серый кардинал», определение. В этом случае не избежать и обвинений в «прозелитизме», ещё одном неясном понятии в церковных канонах. Им пользуются и священники, и политики, и государственные мужи, игнорируя то обстоятельство, что это не юридический термин, и наделяя его весьма произвольным значением. Даже богословы путаются в тех непроходимых дебрях, куда завела Русскую Православную Церковь

полемика о канонической территории.

Этим понятием самой церковью определяется её право на принадлежность определённых территорий православному влиянию. Такая правообразующая деятельность церкви вызывает некоторое удивление и сомнение. Как здесь не вспомнить слова Владимира Соловьёва, сказанные, правда, по вопросу русской идеи, но всё же применимые и к данному рассуждению: «...идея нации есть не то, что она о себе думает во времени, но то, что думает о ней Бог в вечности»¹. Каким временным расстоянием, в данном случае, должна измеряться эта каноническая принадлежность? Как быть с территориями, куда православие пришло либо вместе с протестантизмом, либо немного раньше его? А может, самые «каноничные» – это язычники, они, уж точно, древнее православия. В этом случае, христианство, в лице православия, само нарушило «каноническое пространство» язычников в России. Если же в основу определения ставить географию распространения православия по территории России, то у протестантизма она ничуть не меньше, а местами и больше. Это утверждение обусловлено тем, что территория православного влияния определяется наличием храма, монастыря или подворья, а у протестантов – большим количеством групп людей, особенно в тех местах, где нет православных храмов.

Пока существует это понятие, любой не православный человек или религиозная организация незримо испытает на себе смутное давление – он чужак, в лучшем случае – квартирант, которого терпят в силу необходимости или сложившихся обстоятельств. Полагаю, что будет уместно привести фрагменты из исследования Александра Солдатова и Егора Холмогорова, опубликованные в сети Internet.

«Каноническое – это то, что, во-первых, имеет отношение к священным канонам Церкви, а, во-вторых, устроено в соответствии с ними (является «каноничным»). Но что такое каноны? Наиболее распространённое представление о канонах приписывает им значение церковных законов, элементов церковного права. Соответственно,

¹ Соловьёв В.С. Сочинения. М., Правда. 1989. Т. I, стр. 220.

канонической территорией РПЦ можно было бы назвать территорию, которая оформлена законодательным образом, конституирована в церковном праве и вторжение на которую другого субъекта церковного права могло бы рассматриваться аналогично с вторжением одного субъекта международного права на территорию другого, т. е. как агрессия. Но в том-то и дело, что такое толкование к канонической реальности совершенно неприменимо – каноны не являются законами, совокупность канонов не является «правом», а каноническая территория ни в коем случае не может быть уподоблена территории государства, она устроена совсем по иным принципам.

Каноническое пространство в своей идее не имеет никакого отношения к ландшафту, да и вообще к любым географическим феноменам. Оно, само по себе, совершенно не «географично». Каноническое пространство – это пространство власти. Власть в Христианской церкви – это пространственная категория, и перемещение в пространстве позволяет либо эту власть приобретать, либо ее утрачивать.

О какой власти идёт речь? Прежде всего, о власти сакраментальной, власти совершать священнодействия, затем о власти иерархически дисциплинарной – власти «епископское творить», то есть совершать священнодействия для церковного народа, возводить в священный сан, давать указания и наставления, налагать взыскания... Каноническая территория – в первом приближении есть территория, на которой субъект церковной власти обладает всей полнотой принадлежащих ему полномочий и может беспрепятственно осуществлять их и на которой полномочия любого другого субъекта церковной власти недействительны и их использование вменяется ни во что и перед людьми, и перед Богом»¹.

Первые неосознанные попытки введения каноничности в различных сферах церковной жизни были замечены ещё при жизни апостолов Христа и описаны в письмах апостола Павла.

¹ *Каноническое пространство: принципы, идеологи, конфликты. 12.10.2002. Александр Солдатов, Егор Холмогоров, <http://antenna.com.ua/news.php?id=240>*

«Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: „я Павлов“; „я Аполлосов“; „я Кифин“; „я Христов“» (1 Коринфянам 1:11-12).

Эти первые попытки сразу встретили серьёзный отпор со стороны апостолов, как проявление «плоти», а не Духа. При этом каноничность всё же присуща, в различной степени, всем церквям. Но каноничность, которую спекулятивно провозглашают с церковных амвонов и политических трибун, представляет не что иное, как узурпацию церковной власти в вопросах веры над свободным волеизлиянием человека и гражданина, вопреки конституционным правам.

Нам же необходима каноничность разумной автономности каждой религиозной организации, принявшей свою меру духовной ответственности за общество, но выраженной в уважении прав человека. В этой форме она должна быть присуща всему социуму. В сегодняшнем же значении, настоятельно, почти насильственно прививаемым обществу, «каноническое право» антизаконно и не может быть признано пятидесятичными церквями, не желающими чувствовать себя ущербными чужаками и квартирантами на российской земле. Ставшая неприятной и угрожающей идея каноничности пространства в том виде, в каком она удобна некоторым церковным иерархам и светским политикам, принесёт ещё немало религиозных проблем всей многострадальной стране, а не только протестантам.

Современной России, имеющей высокий уровень преступности, алкоголизма, наркомании, детской беспризорности, с которыми не в силах справиться светская государственная власть, как живительный глоток необходим конструктивный диалог и взаимодействие христианских конфессий. Вопрос видится непростым, а путь – достаточно сложным и длинным. Диалог должен предусматривать заинтересованный разговор двух уважающих сторон, что сегодня отсутствует со стороны Русской Православной Церкви. Пожалуй, единственным утешением будут слова Христа: «Стучите, и отворят вам...» Безусловно, предпосылки к этому есть.

ГЛАВА 5.

Перспективы пятидесятничества в жизни российского общества.

Протестантизм в России, о чём шла речь в предыдущих главах, даже при буйной фантазии нельзя назвать маргинальным явлением для нашего общества, упрямые цифры говорят сами за себя: тысячи церквей и более миллиона последователей в России нельзя просто проигнорировать.

Одной из причин колоссального мирового успеха пятидесятничества оказалась его ориентированность на миссионерскую и социальную деятельность. Для этих протестантских общин Россия, после падения коммунистического режима, стала объектом неутомимой крупномасштабной работы. Но именно здесь, как в прошлом, так и в перспективе развития, пятидесятничество ожидают немалые трудности и сюрпризы. До недавнего времени российское миссионерство вынуждено было больше ориентироваться на опыт Западной Европы и Америки. Приезжавшие миссионеры или учителя, в большинстве своём, были не готовы правильно оценить горький опыт тоталитарного правления в России и тех душевных ран, которые нанёс этот режим народу.

Среди миссионеров существует определённое непонимание культурного, национального и религиозного контекстов благовестия в России. Не все миссионеры осознают то, что Россия – страна многовековой культуры и, пусть слабых, но христианских традиций, и порой относятся к россиянам как к людям, не имеющим понятия о христианской вере. Отсюда не совсем адаптированные к местным условиям методы

евангелизации и достаточно примитивный уровень распространяемых евангелизационных брошюр. Здесь, на этом поприще миссионерства, есть необходимость не только в радении о харизмах Духа, что весьма важно в учении и жизни пятидесятнических церквей, но и в элементарном знании истории, культуры и традиций того места, на которое нацелено миссионерское видение церкви. Пожалуй, одним из первых мест, которые необходимо посетить приезжающему миссионеру, должен быть краеведческий отдел библиотеки или музея. При всём этом не стоит пренебрегать одной, вполне реальной, трудностью: православные иерархи, скорее всего, для ограничения миссионерства «инославных» призовут на помощь неуклюжий государственный аппарат. Что может из этого получиться, гадать не стоит...

Другой характерной чертой, которая существенно облегчит перспективу развития пятидесятничества в России, а, соответственно, лучшее понимание и принятие в обществе учения этого движения, должна стать издательская деятельность церквей и околоцерковных организаций. Здесь дело обстоит достаточно сложно, порой даже удручающе. До недавнего времени только очень настойчивый читатель мог отыскать в российских магазинах протестантской литературы книги, написанные нашими соотечественниками, да ещё и с учётом особенностей языка и культуры. Налицо массовый импорт литературы из-за океана, что по существу является неестественным и неприемлемым для любой нации, как бы не были талантливы авторы переведённых книг. Отчего же такая скудность русских имён в протестантской литературе, что, кстати, совершенно не свойственно литературе православной?

Пожалуй, стоит согласиться с Александром Сорокиным из Санкт-Петербурга с его взглядом на причины, приведшие к данной проблеме: «...отсутствие в протестантском сообществе чёткого понимания необходимости развития протестантской субкультуры как части общечеловеческой культуры. Культура, а протестантская литература по определению должна быть её частью, оказывает мощное воздействие на общество... Для того чтобы отечественная литература,

наконец, появилась, нужно в первую очередь осознание острой потребности в ней... Развитие протестантской субкультуры, имеющей общенациональную ценность, придало бы вес протестантским церквям в обществе и способствовало бы успеху благовестия. Отсутствие усилий по развитию собственной нравоучительной литературы приводит к неспособности протестантского сообщества вести эффективный диалог с окружающим миром, к его самоизоляции»¹.

Ступив на путь перспективного развития, пятидесятническое сообщество в полной мере должно осознать необходимость диалога с творческой интеллигенцией. Залогом прочных отношений будет готовность и способность вести этот диалог, не узурпируя право на владение жизненными ответами и духовными ценностями. Не стоит повторять ошибки прошлого...

Развитие пятидесятнического движения в России неизбежно будет затрагивать процесс формирования и реализации социальных отношений церкви и общества. Процесс этот достаточно сложный, требующий огромного напряжения как со стороны государства, так и со стороны самих церквей. Со стороны церкви, прежде всего, должно присутствовать не только желание здоровых отношений, но и ясно выраженная концепция отношений с государством в социальных и иных вопросах. Новое руководство Союза ХВЕП России разработало такую концепцию в 2002 году. В дальнейшем она была скорректирована протестантскими движениями и принята как совместный документ под названием «Социальная позиция протестантских церквей России». Безусловно, социальная позиция должна затрагивать достаточно широкий спектр важных вопросов, касающихся взаимоотношений государства и церкви, а также представлять систему взглядов о целях, задачах, принципах, методах и формах развития взаимоотношений церкви с государством и его социальными институтами для обеспечения условий всемерного развития духовной свободы и процветания

¹ Сорокин А. Протестантизм в России на рубеже XXI века. // Антология «Мирт-2000». СПб., Мирт, 2001. Стр. 10.

народа.

Не затрагивая основные аспекты данной позиции, хочется рассмотреть возможность реализации в жизни пятидесятнических церквей общих социальных принципов. Известно, что религия направляет человека к Богу, и через познание Бога общество возвращается к нравственным истокам жизни. Это неоспоримый факт. Религия, как выражение веры, призвана сформировать нравственно полноценного, свободного гражданина страны. По сути, говоря о социальном участии церкви в жизни общества, мы говорим о процессе воспитания и образования человека в интересах этого общества и государства. Легче всего говорить об этом с позиции неоспоримых фактов, и одним из наиболее веских аргументов является практически полное отсутствие уголовных и гражданских преступлений, зафиксированных органами правопорядка в отношении членов пятидесятнических церквей России. Это означает, что церковь достаточно хорошо справляется с процессом изменения личности к лучшему. Вместе с тем, отношения с государством всё более тяготеют к правовым, с чем приходится уже считаться и государству. За прошедшие десять-пятнадцать лет есть немало случаев установления непростых правовых отношений церкви и государства, в том числе и в судебном порядке. Дело в том, что за последние годы социальный состав и образовательный уровень церквей существенно изменился, что неизбежно сказалось на формировании правовых отношений церкви и государства.

Статистическая отчётность, ежегодно предоставляемая церквями в головные офисы и соответствующие государственные структуры, отражает большое количество реабилитационных (около 700), учебных и благотворительных центров, приютов для детей и бездомных, больших и малых гуманитарных и благотворительных акций. В этом отношении государство давно отметило активность пятидесятнических церквей. Вместе с тем, налицо и негативная часть проводимых социальных мероприятий. Это касается определённого снобизма в отношениях с государственными структурами некоторых церковных

лидеров и пасторов. Повторяются прежние ошибки. «Мы справимся лучше... Только церковь сможет решить проблемы с наркоманией и алкоголизмом... Только у нас ответ на духовные, душевные и социальные язвы общества...» Такие многообещающие лозунги можно было бы объяснить лишь невежеством, но, увы, здесь есть ещё и доля гордыни. Даже очень хорошая церковь не в состоянии решить проблемы, особенно социальные, в одиночку.

К сожалению, глобальный кризис, охвативший в последнее время все сферы человеческой жизнедеятельности, привёл к утрате надёжных социальных ориентиров, угрозе национальной и личной безопасности, открытому искажению нравственных устоев жизни. Современное общество всё более ориентировано на наслаждения, в том числе и преступные, всё быстрее разрушающее первоначальную природу человека, созданную Богом. В результате, и государство, и церковь, по разным причинам, вынуждены лихорадочно искать пути и средства оказания помощи каждому человеку для реализации его прав и свобод. Основанием для реализации перспективных задач в этих сферах является не столько социальная позиция церквей, сколько позиция самого Евангелия, находящегося в основании веры протестантов.

Стремление определённых групп общества быстро увеличить личное богатство за счёт лишения других минимума благ относится к духовно-этической сфере и не может быть отрегулировано государством. Ни психология, ни идеология, ни закон не могут оказать существенной помощи в изменении этических установок сознания. Сфера сознания – это сфера веры, формируемой заповедями Христа. Как ярко показал разразившийся мировой кризис, социальные проблемы общества, связанные с безработицей, отсутствием достойного жилья, финансовой нестабильностью, подрывающие основы жизни, не могут решиться без прямого участия церкви. Конечно, можно традиционно кивнуть головой в сторону государства, перекладывая на его голову все мыслимые и немыслимые беды. Однако этот коммунистический метод отношений к хорошему результату никогда не приводил. У пятидесятнических

церквей России накоплен немалый опыт решения социальных задач, а поэтому уже государству не стоит пренебрегать тесным сотрудничеством в стремлении к общей цели – служить человеку для его блага. Пока же действительность такова: протестантские церкви России практически отстранены от участия в социальных проектах, так необходимых обществу...

Как относиться к нищете, а тем более – богатству? Об этом хочется поговорить подробнее. Нищета всегда считалась неотъемлемым злом общества, результатом грехопадения и проклятия согласно Библии. Женева XVI века при известном реформаторе и богослове Жане Кальвине впервые решила эту социальную проблему. Нищета, как социальное явление, исчезла. Но как это удалось? Кальвин глубоко сознавал ответственность церкви перед обществом, потому и было разработано социальное учение церкви. Общество не изменится к лучшему, пока не изменится человек, так как зло исходит из человеческого сердца. Поэтому Кальвин подчёркивал, что спасение человеческой души не может рассматриваться изолированно от его социального долга, который должен проявиться в законопослушании, честности и трудолюбии. Сила убеждения Кальвина была так велика, что Женева стала обществом нового типа, примером для подражания. Джон Нокс, реформатор Шотландии и ученик Кальвина, отзывался о Женеве как о «городе-рае» – по чистоте, порядку, приветливости, благочестию, тишине и духовной радости.

Может ли нечто подобное предложить обществу современная протестантская доктрина? Думаю, да. В статье Александра Плясовских «Кто обретает благополучие в жизни» («Мирт», № 3 [16], 1999) было с помощью фактов и цифр показано, что в христианских странах благосостояние людей в пять раз выше, чем в нехристианских. Священник Александр Борисов в своей известной книге «Побелевшие нивы» справедливо отметил, что правильнее говорить не о христианстве в целом, а рассматривать и сравнивать влияние на общество той или иной его конфессиональной формы. Так, он заметил, что самыми богатыми

и развитыми в промышленном отношении странами являются страны протестантские (США, Швеция, Голландия, Швейцария, Великобритания и др.), в этих странах более устойчивые политические режимы и более демократические порядки. Напротив, католические страны – Италия, Испания, Португалия, Ирландия, Франция в XVIII – XX веках, не говоря уже о странах Латинской Америки, – в целом беднее, политические страсти в них часто накалены, режимы менее устойчивы. Православные страны ещё беднее католических, уровень демократических свобод в них самый низкий, революции самые жестокие. Полагаю, что будет разумным прислушаться к этим заключениям. Если признать только экономические составляющие законов развития общества, не имеющих отношения к влиянию веры, мы продемонстрируем достаточно глубокое невежество.

Ниже предлагаемая таблица отражает данные о средней продолжительности жизни и национальном доходе на душу населения (в долларах США) по данным ООН за 1990 - 1995 годы. Безусловно, нынешняя ситуация несколько отличается от статистических данных, представленных в таблице. Мировой финансовый кризис внёс свои коррективы в экономическое развитие всех стран мира, в том числе США. Вместе с тем, Россия и большая часть стран с коммунистическим прошлым пережили сложный период оздоровления и вхождения в рыночную экономику, созданную при содействии протестантской модели развития общества. Однако, общая тенденция развития в этих странах, столь необходимая для оценки, не изменилась.

Группа стран	Средняя продолжит. жизни	Средний нац. доход на душу населения
Протестантские	76,8	22862
Католические	76,4	16796
Католические с коммунист. прошлым	73,7	9903
Православные	70,8	2544

Полагаю, что будет уместно выделить некоторые мировоззренческие особенности, влияющие на экономику и благосостояние общества. Именно в протестантских странах библейское учение в большей степени повлияло на правосознание, на политическую и экономическую мысль, нежели, скажем, в католических или православных. Немецкий социолог Макс Вебер показал исключительную роль протестантизма, особенно кальвинизма, в создании свободной рыночной экономики. Западное общество своим правовым демократическим характером, свободной рыночной экономикой, высоким уровнем здоровья и благосостояния общества обязано, в первую очередь, протестантизму.

С цифрами дискутировать достаточно трудно, они не приемлют такой формы общения. По сути, пятидесятничество, как самая сильная ветвь протестантизма, прежде всего настаивает на проповеди библейской идеи «нового человека», а не райского благополучия, столь желанного для многих нуждающихся. Может быть, поэтому некоторая часть людей, пришедшая в эти церкви, через время ушла назад, не получив «всего и сразу». Именно «новый человек», а не экономическое чудо действительно предлагается этими церквями российскому обществу. Чудо же идет следом. Но, очевидно, люди настолько устали от трудностей, что идея «по щучьему велению, по моему хотению...» более по душе многим нуждающимся. Нужно отметить, что некоторые русские сказки заложили основание под такую «идеологию». Впрочем, это уже приносит свои горькие плоды: Россия всё больше переживает обман финансовых пирамид, паразитирующих на жажде обогащения без особых трудов и финансовых вложений.

Что же тогда, по учению протестантизма, может быть источником успеха в личной и общественной жизнедеятельности? Это моральные принципы и этические нормы, заложенные, прежде всего, в культуре самого Евангелия, культуре христианства и в традиционной культуре народа, пережившей влияние веры. Поэтому более уместно говорить о христианской морали и нравственности, как об основных составляющих духовного воспитания во многих культурах, признающих основой

нравственной жизни веру в Бога. Именно протестантские церкви России в большей степени говорят об этой составляющей морали и нравственности.

Церковь в состоянии принести обществу восполнение недостающих звеньев для формирования этических норм во многих сферах жизни. Захочет ли общество услышать это, более чем социальное, предложение от тех, кто действительно верит Богу и Его заповедям? Это не предложение готовых рецептов «от святых», но призыв к процессу изменения внутри самих церквей и прихожан под воздействием евангельской проповеди. Общество, безусловно, должно сохранить за собой право увидеть результат этого процесса в доступных, практических формах бытия. Что же это за предлагаемые процессы и ожидаемые результаты? Какого-либо специального секрета в этом нет: это то, что предлагает основанная на Евангелии Иисуса Христа уставная деятельность почти всех протестантских церквей:

- через проповедь Евангелия ориентировать прихожан церкви на добросовестный труд, уважение к власти и закону, соблюдение прав и свобод других людей;
- воспитание в обществе неприятия насилия, национализма и экстремизма в любой их форме;
- расширение работы христианских реабилитационных центров;
- оказание психологической и духовной поддержки инвалидам, престарелым и больным;
- программы духовно-нравственного просвещения детей, подростков и молодёжи;
- реальные пути для формирования здоровой семьи, атмосферы безопасности в семье, в частности, защиты прав женщин и детей.

В принципе, список можно продолжить, но неизбежно поднимается вопрос о готовности церквей и самого общества к подобному сотрудничеству. Общество, как и Православная церковь, мнение которой всё больше возводится в некий священный культ, ещё не готово к подобному взаимодействию в широком масштабе. А может,

и не надо «много и сразу», может быть, продемонстрировать это на небольшом участке социального поля России? Пятидесятничество неизбежно подходит к большей открытости и социальной прозрачности своих проектов, что существенно облегчит получение кредита доверия общества. Хочет ли этого общество?!

Взаимодействие должно обозначить и привести в работоспособное состояние основные принципы сотрудничества церкви и государства, основанные на Конституции и основных правовых актах. В этом случае у государственной власти возникла бы необходимость в проведении политики религиозно-мировоззренческого нейтралитета, которая неизбежно вызовет конфликт с национальной идеей в той форме, как она представлена некоторыми современными российскими политиками и иерархами Русской Православной Церкви. В итоге, перспективы могут оказаться крайне неутешительными. Дело в том, что сферы, напрямую затрагивающие интересы государства и где государство должно поступиться контролем, крайне болезненны и почти безнадёжны для выполнения. Это касается и вопросов религии. Уроки истории однозначно просты: государство не может быть нейтральным в вопросах религии, религия – это часть культуры общества, а значит, и самого государства. К тому же нейтралитет в такой сфере противоречил бы самой Библии, устами законодателя Моисея утвердившего социальные принципы правления. Государство призвано отслеживать религиозные структуры, могущие нанести вред окружающему социуму. А вот формирование правовых границ в отношении с церковью и невмешательство во внутренние дела друг друга – просто необходимое правовое условие, влекущее за собой существенное оздоровление отношений и перспективу социального партнёрства.

Такой принцип закреплён в статье 14 Конституции России, которая установила, что Российская Федерация – светское государство, и религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Второй значимой статьёй Конституции Российской Федерации в

исследуемой области является статья 28, гарантирующая каждому человеку свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

В развитие правового регулирования отношений, закреплённых в указанных статьях Конституции России, был принят Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. N125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Необходимо отметить, что некоторые положения этого закона подвергаются критике юристами, а также представителями многих религий. В преамбуле этого законодательного акта признается особая роль Православия в истории России. Критические замечания высказываются и по поводу других положений Закона. В результате бурного роста церквей и развития религиозных отношений вполне возможно, что некоторые положения этого закона в ближайшем будущем будут изменены.

Указанный Федеральный закон в настоящее время является основным нормативным актом в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также в сфере регулирования правового положения религиозных объединений. Статья 4 посвящена отношениям между государством и религиозным объединением. Вот её основные тезисы:

1) Российская Федерация – светское государство. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

2) Государство:

- не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии, в воспитание детей родителями, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребёнка на свободу совести и свободу вероисповедания;

- не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов,

государственных учреждений и органов местного самоуправления;

- не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит настоящему Федеральному закону;

- регулирует предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот.

3) Религиозное объединение:

- создаётся и осуществляет свою деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институционной структурой;

- не выполняет функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления;

- не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления;

- не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь.

4) Отделение религиозных объединений от государства не влечёт за собой ограничений прав членов указанных объединений в других сферах жизни.

5) По просьбам религиозных организаций соответствующие органы государственной власти в Российской Федерации вправе объявлять религиозные праздники нерабочими (праздничными) днями на соответствующих территориях.

Итак, правила взаимоотношений между государством и церковью установлены. Но, как всегда в России, стоит вопрос о их соблюдении всеми участниками отношений в практической жизни. И для межрелигиозного спокойствия важнейшее значение имеет действительно нейтральная роль государства в лице его конкретных представителей на местах, принимающих решения по любым вопросам, возникающим у религиозных объединений и верующих.

Необходим разумный диалог власти и церкви в части минимальной религиозной образованности института власти, с одной стороны, и более глубокое понимание задач власти самой церковью, с другой стороны.

Власть, как известно, призвана руководствоваться объективными, а не субъективными принципами социального бытия. Религия же, в особенности христианская, имеет отношение к области субъективного восприятия объективной реальности. Процесс переноса объективного в субъективное может стать неуправляемым и даже опасным, если станет совершенно неподконтрольным какому-либо институту власти. Примером тому могут служить случаи насильственного привития христианства языческим народам в католицизме и православии, а также случаи искусственного, прагматичного навязывания Евангелия, порой имеющие место в протестантизме.

Невозможно не затронуть вопроса науки и её соотношения с верой в мировоззрении современного российского протестантизма. Миф о том, что протестантизм дремуч в своей сути, настолько устарел, что его даже как-то неприлично и вспоминать. Наука, как известно, являясь результатом систематизации знаний человека о мире, формирует современную целостную картину мира и обеспечивает развитие общей и профессиональной культуры общества.

Если этот взгляд на науку будет принят всеми христианами, это надёжно отведёт душу от сектантства, согласно определению Павла Флоренского и Сергея Булгакова. Более того, претворение в жизнь правильного взгляда на науку даёт ясную перспективу прекращения конфликта между разумом и верой, столь долго терзающего многие христианские церкви. Это более широко откроет двери прихода в пятидесятнические церкви творческой интеллигенции, уставшей от духовных поисков и без всяких на то оснований обойденной разумной проповедью. Церкви должны украситься новым понятием «христианская интеллигенция».

«Разум, сознающий свои пределы, понимающий то, что можно понять, и верующий в то, что понять нельзя, никогда не вступает в конфликт с верой. Вера человека, в смирении созерцающего мудрость Творца, имеющего ум Христов, со своей стороны, никогда не останется во тьме невежества и будет стремиться понять Бога через Писание и

окружающий мир, насколько это возможно.

Искусственно разжигаемый конфликт разума и веры должен смениться миролюбивым диалогом и разумным компромиссом – во имя пока ещё нерождённой христианской интеллигенции и ради интеллигенции светской, в подавляющем большинстве остающейся вне церковного пространства.

Сегодня представление о христианстве как народной вере, нарочито упрощённой до примитивизма, начинает пересматриваться.

«Муки рождения» христианской интеллигенции затянулись. Все с нетерпением ожидают, когда же они закончатся благополучным появлением на свет «здорового малыша». Пусть же, наконец, появятся те, кто на понятном языке ответит на жизненно важные вопросы современной духовной эпохи»¹.

Вполне естественно, что, размышляя о перспективах пятидесятничества, нельзя не затронуть такой жизненно важный вопрос, как брак и семья. Если постараться суммировать многие замечательные слова о семье, представленные в религиозной практике пятидесятничества, то это могло бы выглядеть так:

«Семья – единственный воспитательный институт, нравственное воздействие которого человек испытывает на протяжении всей жизни. Формирование нравственности как определяющего свойства личности, начинается в семье, своими корнями уходя в детство. Перед лицом различных социальных проблем, принимающих в наши дни глобальные измерения, совершенно по-новому необходимо понять роль семьи в том, что касается развития общества. У семьи есть органические и жизненно важные связи с обществом, потому что она составляет его основание».

Действительно, перед лицом огромного дефицита супружеского счастья, здоровых добрачных отношений и спокойной старости вопрос о браке и семейном благополучии, думается, окажется самым

¹ Черенков М. Христианская интеллигенция: быть или не быть? // Антология «Мирт-2000». СПб., Мирт, 2001. Стр. 43.

востребованным российским обществом, что и понятно. Может, именно поэтому во всём мире развязывается беспрецедентная война против семьи, целью которой является привитие «культуры смерти», отчаянно пропагандируемой сексуальными извращениями. Вместе с тем, формируя социальную востребованность невероятно важного вопроса семьи и брака, нельзя всё сводить к немногим церковным клише. Церковь не имеет права на столь примитивный подход в решении таких важных вопросов. Это потребует от руководства церквей и союзов утверждения церковно-социального института душепопечителей в церквях. Возможно, даже понадобится вывести его в отдельную церковную структуру. Слишком велик риск непрофессионализма.

Вполне логично вписывается в социальное пространство российской действительности и вопрос о взаимоотношении с окружающей средой и её сохранении. Не секрет, что неразумная деятельность человека привела к растущему глобальному экологическому кризису. Возможно, это звучит несколько непривычно, но ситуацию можно изменить только одним путём – формированием в обществе экологической этики. Однако, этого невозможно добиться через систему наказаний, а только через обретение веры и возвращение общественному сознанию уважения к природе, созданной Богом и тем законам, которые установил Сам Творец.

Согласно мифологеме творения, изложенной в книге «Бытие», человек был сотворён (как одна из целей) для разумного господства над природой, всем тварным миром. Его природа, на подсознательном уровне, не может освободиться от генетической памяти творения. В этом есть некое тварное таинство человека. Он, человек, не сможет обрести полного покоя, пренебрегая своим предназначением хранителя Божьего творения. Поэтому, несмотря на удовлетворение, получаемое человеком от эксплуатации природы, всё чаще звучит обеспокоенный голос тех, кто более других понимает возможную не только экологическую, но и душевную катастрофу. Если к их голосу присоединится ещё голос и молитва церкви, то перспектива церкви в экологическом пространстве

России может оказаться очевидной.

Есть ещё одна сфера общества, в которой так необходимо сотрудничество, но где перспективы этого сотрудничества очень и очень призрачны. Это касается наших отечественных СМИ. Пожалуй, плохо скрываемая идея их непогрешимости всё более становится головной болью не только церкви, но и общества в целом.

Не секрет, что ошибки распушенных умов, зачастую демонстрируемые через средства массовой информации, оказывают на пассивную массу населения тираническое влияние. Однако одной из жизненно важных потребностей человека является информационная безопасность. Ежедневное насилие с телеэкранов и сети Интернет формируют, особенно в подростковой и молодёжной среде, основание для социальной агрессии. Оскорбления, изнасилования, убийства, наркотики – результат развития криминальных норм социальных отношений в сознании людей. По сути, всеми немыслимыми путями обществу прививается новая «культура», культура насилия и безнравственности. Кому это нужно, догадаться нетрудно...

Перспективы пятидесятничества в этой сфере могут оказаться весьма реальными при разумном диалоге с творческой интеллигенцией, уже много раз высказывающей свое возмущение коммерческим беспределом, царящим в отечественных СМИ. Однако человек не может жить за пределами информационного пространства, и церковь должна предложить обществу здоровую альтернативу восполнения эмоциональных переживаний и душевных потребностей хорошего содержания и достойного качества. Просто выражать неудовлетворённость и недовольство – черта, наиболее присущая современным коммунистам. Пятидесятнические церкви могут уже сегодня предложить обществу некоторые утешающие голод информационные продукты, но останавливает агрессивное сопротивление как со стороны Русской Православной Церкви, так и со стороны самой власти, что вызывает и удивление, и беспокойство.

В чём же особенность перспективы развития для пятидесятнических

церквей на религиозно-социальном поле российского общества? Это, прежде всего, способность к диалогу в широком смысле этого слова, не поступаясь при этом Евангельскими заповедями. Наиболее пристальное внимание необходимо обратить на диалог с творческой интеллигенцией – неким загадочным сословии, называемым совестью нации. А совесть, как известно, находится на пересечении категорий нравственных и библейских.

Функция диалога в самом широком его смысле, как основная функция интеллигенции, должна быть присуща каждому христианину, независимо от его образования и профессиональной подготовки. Успех общения, прежде всего, зависит от умения сопереживать, стремления понять собеседника. Диалог исключает одностороннюю пропаганду и старательно-снисходительное утверждение монополии на обладание истиной. Чем упорнее стремление навязывать другим своё исповедание истины, тем призрачнее надежды на успех. Кажется, этой аксиоме нужно учиться всем конфессиям.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА.

И всё-таки быть!

Подводя итог поднятой проблеме, можно сделать выводы, никак не претендующие на научное или политически одобренное заключение. Во всяком случае, автор не ставил перед собой такой задачи. Всё, что хотелось, это развеять мифы о закупленном на Западе и тиражируемом при финансовой поддержке неких спецслужб разрушительном для российской культуры и государственности злокозненном протестантизме, особенно пятидесятничестве.

Пятидесятничество, как самая сильная и многочисленная ветвь мирового протестантизма, не может быть признана чужеродным явлением для российского общества. Протестантизм, как колыбель пятидесятничества, первоначально принесённый в Россию иностранцами, на протяжении более чем четырех веков укоренился на российской почве и стал вероисповеданием значительных групп населения. Это даёт основание рассматривать протестантизм, а в части данного исследования и пятидесятничество, как традиционно присущее России религиозное формирование. Пятидесятничество, признанное в мире самым крупным направлением мирового протестантизма, имея в России почти столетнюю историю, безусловно, составляет неотъемлемую часть культурно-исторического наследия её народов.

В отличие от истории проникновения в российское общество раннего протестантизма, принесённого иностранцами, российское пятидесятничество, несмотря на западные корни его идей, нельзя уже в полной мере назвать западным явлением. Здесь уместно употребить термин «российское пятидесятничество». Не отличаясь от западного ортодоксального пятидесятничества в вопросах богословия и вероучения, это движение в России двигалось своим путём, опираясь на многовековое богоискательство россиян и харизматизм православия.

Российское пятидесятничество отлично от западного тем, что оно не возникало из мирового протестантизма через промежуточные звенья конфессионального развития. Путь, пройденный протестантским Западом от лютеранства к пятидесятничеству, мучителен и прагматично логичен. Для России же возникновение пятидесятничества не поддаётся в полноте анализу логических моделей. Не отбрасывая исторических предпосылок, можно допустить мысль о том, что его возникновение и развитие связано с неким чудом. Возможно, именно потому оно и не впитало в полной мере особенностей западного пятидесятничества, сохраняя в достаточной степени здоровый православный харизматизм и мистицизм. Это и есть многовековой образ российского богоискательства. Таким образом, становятся никчемными и даже глупыми попытки присвоить этому движению ярлык сектантства. История, особенно последние годы, показывает всё более растущую востребованность духовного опыта и идей пятидесятничества на религиозном поле России. Для России пятидесятники – не маргиналы.

При всём этом сохраняется необходимость определения церковной или союзной принадлежности для всех тех, кто исповедует взгляды пятидесятничества, т.к. это движение достаточно не однородно. При оценке места пятидесятничества в жизни общества нельзя забывать, что пятидесятническая доктрина освящения, достойного образа жизни, послушания Богу и практики харизм Духа, может быть извращённо декларирована какой-либо церковью или отдельной личностью. В таком случае мы будем иметь дело с сектантством. «По плодам их узнаете их», – сказал Христос.

Востребованность духовного опыта пятидесятничества неизбежно ставит вопрос об изменении отношения к пятидесятническим церквям в религиозно-общественной жизни российского общества. За церковью необходимо признать не только права юридической структуры, но и то, что она является носителем определённой меры истины и духовности. Общество должно освободиться от различных страхов, внесённых неразумными публикациями в СМИ и поспешными выводами некоторых

политиков, общественных деятелей, а также оголтелой пропагандой «сектоборцев». Обществу и государству необходим диалог не просто с церковью, что порой страшит некоторых чиновников, но с российскими гражданами, представляющими эти церкви! Это существенно облегчит передачу того духовного богатства, врученного историей и Богом российскому пятидесятничеству, в чём так страстно нуждается наше общество. Вместе с тем, это никак не может умалить того духовного достояния и многовековой культуры, привносимой в общество Православием. Никто из нас не владеет истиной, мы только хранители и проповедники той её части, которая нам открыта в историческом процессе, направляемом Богом.

Изменение государственного отношения к пятидесятническим церквям неизбежно поднимает вопрос о соблюдении гарантированных Конституцией России прав граждан на свободу совести и вероисповедания. К сожалению, всё более становится привычным, что верующих и церковные сообщества «инославного убеждения» рассматривают в отрыве от факта гражданства. Этот остаточный элемент прошлого должен быть просто отторгнут без всякого права на реанимацию. Государство и общество нуждаются в законных правоприменительных отношениях с пятидесятническими церквями и союзами.

В завершение хочется привести слова В.С. Соловьёва об особой роли России в судьбе мира, которой предназначено Господом «истинное и святое дело – соединение христианского Востока с христианским Западом»¹. Согласно мысли философа, этого можно достичь только нравственным примером, а не силой. Историческая церковь России, как полагал Соловьёв, далеко не всегда оказывалась на высоте требований этого предназначения. Возможно, эту миссию смог бы принять российский протестантизм, в том числе и пятидесятничество? Ответ может находиться в русле повышения культуры межконфессиональных отношений и даже сотрудничества, не нарушающего церковные каноны.

¹ Соловьёв В.С. Сочинения. М., Правда. 1989. Т. I, стр. 308.

Но что же скажет сам протестантизм? Для нашей страны он и западный, и восточный. Вместе с тем хочется предостеречь протестантских лидеров от двух живучих ошибок, имеющих печальные последствия, – теологической и социальной. Согласно учению Христа и апостолов, церковь не состоит из одной группы похожих друг на друга христиан (протестантов), а потому необходимый диалог с Православием возможен без изменения богословских концепций и реформации в сторону полного Евангелия. Социальная же ошибка не менее очевидна: общество не состоит только из протестантов, и всем людям нет необходимости быть «нашими». Это уже было в истории, и это просто утопия. А может, мечта Владимира Соловьёва суждено сбыться? Что ж, время покажет...

Библиография

1. Альманах по истории русского баптизма. СПб., 1997.
2. Библия. Книги Ветхого и Нового Заветов.
3. Бонч-Бруевич В.Д. Избранные атеистические произведения. М., 1973.
4. Буткевич Т.И. Протестантство в России. Из лекций по церковному праву. Харьков, 1918.
5. Бюли Ф. У заблуждения много лиц. СПб., 1994.
6. Братский вестник. М., 1966. № 6.
7. Библейские общества // Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993.
8. Бюне В. Игра с огнем. CLV. Germany, 1991.
9. Джонстоун П. Операция мир. СПб., 1990.
10. Донини А. У истоков христианства. М., 1989.
11. Достоевский Ф.М. ППС. Ленинград. 1981., Т. 22.
12. Замалеев А.Ф. Восточнославянские мыслители: Эпоха средневековья. СПб., 1999.
13. Брянчанинов И. Слово о смерти. СПб., 1905.
14. История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989.
15. История религий в России. М., 2002.
16. Каарияйнен К., Фурман Д.Е. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. 1997. № 6.
17. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М., 1965.
18. Социальная позиция протестантских церквей России. М., 2002.
19. Красножен М. Иноверцы на Руси. Положение православных христиан в России. Т. 1. Юрьев, 1910.
20. Курило О.В. Очерки по истории лютеран в России (XVI-XX вв.). М., 1996.
21. Мартин У. Царство культов. СПб., 1992.
22. Мень А. Православное богослужение. Таинство, слово и образ. М., 1991.
23. Митрохин Л.И. Баптизм: история и современность. СПб., 1997.

-
24. Плясовских А. Кто обретает благополучие в жизни. // СПб. «Мирт», № 3 [16], 1999.
25. Подберезский И.В. Протестанты и другие. СПб., 2000.
26. Прошин Г.Г. Чёрное воинство. М., 1988.
27. Соколов И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М., 1880.
28. Соловьёв В. С. Сочинения в 2-х тт. М., 1989. Т. 1.
29. Сульженко Ю. Кто скажет им благуя весть? // Антология «Мирт-2000». СПб., 2001.
30. Солдатов А., Холмогоров Е. Каноническое пространство: принципы, идеологи, конфликты. 12.10.2002 <http://antenna.com.ua/news.php?id=240>
31. Сорокин А. Протестантизм в России на рубеже XXI века. // Антология «Мирт-2000». СПб., 2001.
32. Титов В.Е. Православие. М., 1977.
33. Улонска Р. Духовные дары в учении и в практике. AVC, Germany. 1989.
34. Франчук В. Просила Россия дождя у Господа. В 2-х тт. Киев, 2001. Т. 1.
35. Христианство // Энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1995.
36. Холл С. Учение и жизнь ранней церкви. Новосибирск, 2000.
37. Цветаев Д. Вероисповедное положение протестантских купцов в России в XVI-XVII веках. М., 1885.
38. Цопфи Я. На всякую плоть. AVC, Germany. 1989.
39. Черенков М. Христианская интеллигенция: быть или не быть? // Антология «Мирт-2000». СПб., 2001.

Отпечатано по заказу местной религиозной организации
«Церковь ХВЕ “Филадельфия” г. Ижевска».

Тираж 1000 экз.

www.filadelfia.ru

e-mail: pavelzh@udm.net